

СОЛЕННЫЙ ЗОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЛОБЕЕВА АРИНА

Арина Лобеева

Солёный зов

«Автор»

2026

Лобеева А.

Солёный зов / А. Лобеева — «Автор», 2026

Мелисса бежит на уединённый средиземноморский остров, чтобы забыть о разводе и о женщине, которая его подстроила, — крёстной бывшего мужа, беловолосой Валерии, чья ледяная любовь к крестнику не знает границ. Море, белое бунгало и тишина обещают исцеление. Но в первый же вечер на пустынном пляже появляется Алекс — мужчина с глазами цвета аквамарина. Курортный роман вспыхивает стремительно и чувственно, вот только Алекс не тот, кем кажется. Он не человек. И он выбрал Мелиссу не на один отпуск, а навсегда. Когда по ночам на подоконнике появляются влажные раковины, а кожа в лунном свете начинает отливать чешуёй, Мелисса понимает: древние легенды о детях моря — не вымысел. И ей придётся решить, остаться ли жертвой или принять пугающую силу, даже если для этого нужно перестать быть человеком. «Солёный зов» — мистический триллер о любви, предательстве и бездне, которая всегда ждёт тех, кто слишком долго смотрел в воду.

© Лобеева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Белая тень.	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	38
Глава 9	43

Арина Лобеева

Солёный зов

Глава 1. Белая тень.

Самолёт коснулся взлётной полосы с тем особенным, глухим гулом, который всегда кажется Мелиссе звуком окончательного приговора. Шасси ударились о бетон, где-то в хвосте заплодировали неопытные туристы, а она лишь сильнее вжалась в кресло, глядя в иллюминатор на дрожащее марево над асфальтом. Двадцать пять лет. Ей двадцать пять, а она чувствует себя так, будто прожила уже две жизни, и обе — чужие.

Она поправила выбившуюся из небрежного пучка тёмную прядь и глубоко вздохнула, пытаясь сбросить с плеч липкую усталость перелёта. Соседнее кресло пустовало, и это было к лучшему. Ей не хотелось ни с кем говорить, не хотелось улыбаться и поддерживать вежливую беседу о погоде на курорте. Хотелось только одного — тишины. Той самой, глубокой, ватной тишины, в которой не слышно ни обвинений, ни сплетен, ни собственного внутреннего голоса, без конца прокручивающего одни и те же сцены.

Аэропорт встретил её душной волной южного воздуха, пропитанного запахом солянки и цветущего олеандра. Она вышла из здания терминала, волоча за собой маленький чемодан на колёсиках — всё её имущество, уместившееся в ручную кладь. Остальное осталось там, в Москве, в квартире, которую она когда-то считала семейным гнездом. Теперь это гнездо принадлежало прошлому, и Мелисса не взяла оттуда почти ничего. Только документы, несколько любимых книг и шёлковый платок, который когда-то принадлежал маме, — единственная вещь, не пропитанная ложью.

Таксист, пожилой грек с обветренным лицом и выгоревшими на солнце бровями, всю дорогу что-то рассказывал на ломаном английском, но Мелисса не слушала. Она смотрела в окно на проплывающие мимо оливковые рощи, белые кубики домов с синими ставнями и бесконечную, ослепительно-бирюзовую полосу моря на горизонте. Море. Она выбрала этот крошечный остров именно из-за него. Ей казалось, что только такая огромная, равнодушная стихия способна поглотить её боль, растворить её в своей солёной бездне.

Впервые она увидела море в шесть лет. Родители привезли её в Анапу, и маленькая Мелисса, забежав по колено в воду, закричала от восторга. Ей казалось, что море — живое, что оно дышит и разговаривает с ней пенным шёпотом. Тогда она пообещала себе, что когда-нибудь будет жить у моря. Но жизнь распорядилась иначе. Появился Герман, а с ним — Москва, съёмная квартира на окраине, потом ипотека, работа, бесконечные планы, которые никогда не сбывались. Море осталось лишь фотографией в телефоне и смутным воспоминанием о детстве.

Бунгало оказалось именно таким, как на фотографиях в интернете: крошечным, выкрашенным в цвет топлёного молока, с голубыми ставнями и крошечной верандой, увитой бугенвиллией. Оно стояло на отшибе, в стороне от главного корпуса отеля, и это было прекрасно. Никаких соседей, никаких детей, визжащих в бассейне, никаких пар, целующихся на шезлонгах. Только море в двадцати шагах, старая олива у крыльца и цикады, звенящие так оглушительно, что закладывало уши.

Мелисса бросила чемодан у порога и, не раздеваясь, вышла на пляж. Песок был горячим, почти обжигающим, но ей это нравилось. Она сбросила босоножки и пошла босиком, чувствуя, как мелкие крупинки впиваются в ступни. Море вблизи оказалось ещё прекраснее, чем из окна такси. Оно было глубокого, сапфирового цвета у горизонта и прозрачно-изумрудного у берега. Волны накатывали лениво, неспешно, будто и правда дышали.

Она села прямо на песок, обхватила колени руками и впервые за долгое время позволила себе просто смотреть. Никуда не бежать, ничего не решать. Просто быть.

— Ты совершила ошибку, девочка, — сказала Валерия. Она сидела в кресле, закинув ногу на ногу, и её голубые глаза смотрели на Мелиссу с выражением ледяного превосходства. Миниатюрная, почти невесомая, с копной платиновых волос, она напоминала фарфоровую куклу, которую зачем-то наделили даром речи. — Ты думала, что сможешь его удержать? Такой мужчина, как Гера, не создан для брака с простушкой.

Мелисса стояла посреди гостиной их квартиры, сжимая в руке телефон с открытой перепиской. Откровенные сообщения. Фотографии, от которых к горлу подкатывала тошнота. И подпись: «Лейла». Её бывшая подруга.

— Это не ваше дело, — сказала Мелисса тогда. Голос дрожал, но она старалась держаться прямо.

— Моё, — Валерия улыбнулась. Улыбка у неё была тонкая, как лезвие. — Я его вырастила. Я вложила в него всё. Каждый его успех, каждая черта, которая тебе в нём нравилась, — это моя работа. Ты просто пришла и забрала готовое, думая, что имеешь право. Но ты ошиблась.

— Он меня любит.

— Он любит комфорт. И Лейла, поверь, гораздо комфортнее тебя. Она понимает его амбиции. А ты... — Валерия обвела её взглядом, полным брезгливой жалости, — ты просто девочка, которая слишком рано выскочила замуж и решила, что жизнь — это сказка. Но сказки заканчиваются.

Мелисса зажмурилась, отгоняя воспоминание. Оно всё равно осталось — липкое, ядовитое, как дым от сырых дров. Валерия. Эта женщина была её личным демоном. Она появилась в жизни Германа задолго до Мелиссы и ни на минуту не оставляла их вдвоём. Звонки по вечерам, «случайные» визиты, советы, которые Гера впитывал с благоговением послушника. Она всегда говорила тихо, мягко, почти нежно, но каждое её слово било точно в цель. Мелисса долго не могла понять, почему эта миниатюрная беловолосая женщина вызывает у неё такой ужас. А потом поняла: потому что Гера смотрел на Валерию не как на крёстную. Он смотрел на неё так, как должен был смотреть на жену. И Валерия это знала. Больше того — она это поощряла.

Герман был старше Мелиссы на четыре года, но внутри оставался мальчишкой. Он не принимал решений без одобрения Валерии. Он советовался с ней по любому поводу, от выбора галстука до планирования отпуска. Мелисса сначала терпела. Ей было девятнадцать, она была влюблена, и всё казалось неважным. Но с годами терпение иссякло. Она пыталась говорить, пыталась бороться, но каждый раз натывалась на одну и ту же стену:

— Ты просто не понимаешь. Она мне как мать.

— Она тебе не мать, — Мелисса смотрела на мужа и не узнавала его. — Она женщина, которая хочет, чтобы ты принадлежал только ей.

— Ты ревнуешь? К Валерии? — он смеялся. Смеялся искренне, от души, и от этого было ещё больнее. — Она замужем, у неё дети. Ей сорок шесть, Мелли. Что ты выдумываешь?

Мелисса не выдумывала. Она видела. Она чувствовала. Но доказать ничего не могла, потому что Валерия была умна. Она никогда не переступала черту открыто. Она просто всегда, каждую минуту, каждую секунду была рядом. Даже на расстоянии.

Лейла появилась через четыре года после свадьбы. Сначала просто как «старая знакомая», с которой Гера случайно встретился на каком-то мероприятии. Потом — как подруга, с которой «удобно обсуждать дела». Мелисса не придавала значения. У неё самой были подруги, и она не видела ничего странного в том, что у мужа есть женская дружба. Она даже обрадовалась, что Гера нашёл кого-то, кроме Валерии, кому можно довериться. Ирония судьбы заключалась в том, что именно Валерия и подтолкнула его к Лейле.

— Она перспективная, Гера. Не то что твоя Мелисса, которая сидит дома и ждёт, когда ты принесёшь зарплату. Лейла — деловая женщина. Она понимает, что такое амбиции. — Валерия говорила это за ужином, в ресторане, куда Мелиссу не пригласили. Гера потом пересказал ей этот разговор, искренне не понимая, почему жена побледнела. — Крёстная считает, что Лейла может помочь с моим проектом.

— Крёстная считает, что ты должен спать с ней, — тихо сказала Мелисса.

Он тогда обиделся. А через два месяца она нашла переписку. Грязную, откровенную, с фотографиями. И поняла, что проиграла. Не Лейле — Валерии. Лейла была лишь инструментом, пешкой, которую та передвинула по доске. Настоящим врагом, настоящим соперником всегда была эта маленькая беловолосая женщина с голубыми глазами.

Волна лизнула её ступни, вырывая из воспоминаний. Мелисса вздрогнула и опустила взгляд. Вода была прохладной, ласковой, и она вдруг почувствовала дикое, почти животное желание зайти глубже. Прямо сейчас, в одежде, не думая ни о чём. Окунуться, смыть с себя этот день, этот год, эту жизнь.

Она встала и сделала шаг. Ещё один. Вода уже доходила до колен, намокший подол платья облепил бёдра. Мелисса остановилась, глядя на горизонт. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в розовые и золотые тона, и море, ещё недавно сапфировое, теперь отливало расплавленным серебром. Было тихо. Только шум волн, только крики чаек где-то вдалеке.

— Красиво, правда?

Голос раздался неожиданно близко, и Мелисса вздрогнула, резко обернувшись. В двух шагах от неё стоял мужчина. Она не слышала, как он подошёл, — ни шагов по песку, ни шороха одежды. Просто возник, словно соткался из воздуха.

Ему было около тридцати, может, чуть больше. Высокий, широкоплечий, с тёмными вьющимися волосами, которые трепал вечерний бриз. Белая рубашка, расстёгнутая до середины груди, льняные брюки, закатанные до колен. Босиком. И глаза — яркие, пронзительные, цвета аквамарины. Они смотрели прямо на неё, и в их глубине плясали искры закатного солнца.

— Я не хотел вас напугать, — он улыбнулся, и улыбка эта была такой открытой, такой обезоруживающей, что Мелисса невольно расслабилась. — Просто увидел, как вы стоите в воде в платье, и подумал: либо вы очень смелая, либо очень печальная. Или и то, и другое.

— Скорее, второе, — сказала она, и собственный голос показался ей чужим. — А вы кто?

— Алекс, — он сделал лёгкий поклон, полушутливый-полусерьёзный. — Морской археолог. Изучаю затонувшие корабли. Ищу сокровища. Спасая прекрасных незнакомок.

— Я не тону, — Мелисса невольно улыбнулась. — По крайней мере, пока.

— Пока — это ключевое слово, — Алекс сделал шаг ближе, и теперь между ними осталось не больше метра. От него пахло солью и чем-то ещё, едва уловимым, похожим на аромат свежевскрытой раковины. — Вы здесь одна?

— Да, — она не знала, зачем отвечает, но слова выходили сами собой. — Одна. Отдыхаю.

— От чего?

Слишком прямой вопрос. Слишком личный. Но в его голосе было столько искреннего участия, что Мелисса не нашла в себе сил отмахнуться.

— От жизни, — сказала она честно. — От мужа. Бывшего. От его крёстной. От всего.

— Серьёзный список, — он усмехнулся. — Знаете, это место отлично подходит для того, чтобы начать всё заново. Море... оно всё смывает. Нужно только позволить ему.

— Я как раз пытаюсь, — Мелисса кивнула на мокрый подол. — Но, кажется, получается не очень.

— Получится, — Алекс посмотрел на неё так, будто знал что-то, чего не знала она. — Я обещаю.

Солнце почти скрылось за горизонтом, и небо из розового стало тёмно-синим. Вода вокруг её ног казалась теперь чёрной, маслянистой, и в ней отражались первые звёзды. Мелисса

вдруг почувствовала странное головокружение — не неприятное, но какое-то зыбкое, как будто мир вокруг слегка покачнулся. Она списала это на усталость и долгий перелёт.

— Мне пора, — сказала она, выбираясь на берег. — Приятно было познакомиться.

— Взаимно, Мелисса, — Алекс улыбнулся снова, и только когда она уже подходила к бунгалу, до неё дошло: она не называла ему своего имени.

Она обернулась, но пляж был пуст. Только волны накатывали на песок, стирая следы босых ног, и ветер доносил откуда-то издалика странный звук, похожий на тихий, утробный зов.

Глава 2

Глава 2. Эхо прошлого

Мелисса вернулась в бунгало, когда сумерки уже окончательно сгустились в бархатную южную ночь. Она закрыла за собой дверь и на мгновение прижалась спиной к прохладному дереву, пытаясь унять сердцебиение. Этот мужчина, Алекс, возникший из ниоткуда и исчезнувший в никуда, оставил после себя странное, тревожное послевкусие. Она не называла ему своего имени. Не называла. Он произнёс его так легко, словно знал её всю жизнь — или, по крайней мере, наблюдал за ней гораздо дольше, чем она могла предположить.

Она подошла к маленькому столику у окна, где оставила телефон, и машинально проверила экран. Никаких уведомлений, кроме спама от оператора. С тех пор как бракоразводный процесс официально завершился, переписки с Германом и его семьёй прекратились, оставив после себя гулкую, звенящую пустоту. Мелисса поставила чайник, найденный в крошечной кухонной нише, и села на край кровати, обхватив плечи руками. Тишина снаружи была почти неестественной — даже цикады внезапно умолкли, и слышался лишь мерный, гипнотический шум прибора.

Она закрыла глаза — и память, предательская и острая, тут же выдернула её из этого уютного убежища и швырнула обратно в прошлое. В тот самый день, когда она окончательно поняла, что война против неё ведётся не в открытую, а тихой сапой, под маской родственных улыбок.

Это случилось прошлой осенью. Герман улетел в командировку в Казань — всего на пять дней, но эти пять дней стали для Мелиссы настоящим адом. Она осталась в их московской квартире одна, если не считать периодических визитов свекрови, которые та анонсировала с неизменной, почти издевательской заботой: «Мелли, детка, ты там не скучаешь? Я завезу тебе пирожков, Гера просил присмотреть за тобой». Антонина Сергеевна — или просто Тоня, как она предпочитала, чтобы её называли, — приходилась Герману матерью, а Валерии — старшей сестрой. Природа, казалось, разделила между ними роли с безжалостной иронией: Лере досталась миниатюрная фарфоровая красота, платиновые локоны и ледяной блеск голубых глаз, а Тоне — мягкая полнота, рыжеватые волосы, уложенные в неизменный пучок, и манера говорить приторно-ласково, словно она беседовала с тяжелобольным ребёнком.

В тот вечер Мелисса получила от Тони сообщение в мессенджере. Оно начиналось с сердечка и неизменного «Привет, солнышко». Свекровь интересовалась, как у неё дела, не нужно ли чего купить, и между делом, как бы невзначай, уронила фразу: «Герочка звонил, жаловался, что устал. Ты бы его поберегла, когда вернётся, а то он так много работает, а ты всё дома». Это было типично для Тони — обернуть колкость в обёртку материнской заботы. Мелисса прочитала сообщение несколько раз, чувствуя, как внутри закипает раздражение, но сдержалась. Она ответила нейтрально, поблагодарила за заботу и пообещала «поберечь» мужа.

Через минуту после того, как её ответ ушёл, телефон завибрировал снова. На этот раз сообщение пришло от Валерии. «Добрый вечер, дорогая. Как ты там? Не скучаешь? Мы с Тоней только что говорили о тебе. Она переживает, что ты слишком давишь на Геру. Он очень чувствительный мальчик, ты же знаешь». Под текстом стоял улыбающийся смайлик, от которого у Мелиссы почему-то похолодели пальцы.

Странное совпадение. Тоня переписывалась с ней — и буквально в ту же минуту Лера уже знала содержание разговора. Мелисса не сразу поняла механику этого заговора, но интуиция, женская, обострённая годами брака, забила тревогу. Она не стала отвечать Валерии, вместо этого открыла ноутбук и зашла в социальную сеть. Её догадка требовала подтверждения, и она его получила — совершенно случайно, благодаря тому, что в их общем семейном чате, куда входили Тоня, Лера, Герман и она сама, кто-то по ошибке скинул скриншот. Это была Тоня. Скриншот её переписки с Мелиссой — той самой, только что закончившейся, — улетел в личные сообщения к Валерии, но из-за дрогнувшей руки свекрови на секунду высветился в общем окне, прежде чем его удалили.

Мелисса успела прочитать. И то, что она увидела, заставило её мир пошатнуться.

Под скриншотом Тоня написала сестре: «Смотри, как она мне отвечает. Делает вид, что всё в порядке. Гера звонил сегодня, чуть не плакал — говорит, она его совсем заела. Ни готовить толком не умеет, ни в доме уюта. А туда же — права качает». Лера ответила мгновенно: «Я тебе давно говорила: она ему не пара. Крашенная сука, строит из себя невинность. Ты видела её корни? Отросшие, как у дворняжки. А я, между прочим, крашусь, потому что мне положено — у меня статус, муж, выходы в свет. А она что? Сидит дома, и то за собой следить не может». Дальше шёл смеющийся смайлик и короткое, злое: «Ничего, Тонечка. Скоро всё изменится. Я уже работаю над этим». И следом — подмигивающий эмодзи, от которого у Мелиссы мороз пробежал по коже.

Она не знала тогда, что это значит. Не знала, что «работаю над этим» — не пустые слова, а продуманный план, который уже приведён в действие. Имя, которое вскоре разорвёт её жизнь на «до» и «после», ещё не прозвучало. Мелисса пока не знала, что где-то на горизонте уже появилась женщина, которой суждено стать орудием её разрушения. Она увидит её позже — случайно, в неподходящий момент, и эта встреча ударит с такой силой, что земля уйдёт из-под ног. Но пока что перед ней лежала только переписка двух сестёр, которые, посмеиваясь, решили её уничтожить.

Мелисса сидела перед экраном, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. «Крашенная сука». Это сказала Валерия — женщина, чьи платиновые локоны были результатом многочасовых трудов дорогого колориста. Женщина, которая при каждой встрече целовала Мелиссу в щёку и говорила: «Как я рада, что ты у нас есть». И Тоня — мать Германа, женщина, которая называла её «солнышком» и «деткой», — пересылала сестре их личную переписку, чтобы вместе посмеяться над снохой. Это было не просто предательство. Это была холодная, расчётливая травля, ведущаяся теми самыми людьми, которые должны были стать её семьёй.

Она не выдержала и позвонила единственному человеку в этой семье, кто относился к ней с искренним теплом, — Виктору Семёновичу, отцу Германа. Он взял трубку после третьего гудка, и его голос, усталый и глуховатый, звучал так, словно он говорил из бункера, окружённого врагами.

— Мелли? Что-то случилось? Ты плачешь?

Она действительно плакала, сама того не замечая. Слезы текли по щекам, оставляя солёные дорожки. Мелисса попыталась объяснить, сбивчиво и путано, но Виктор понял. Он всегда понимал.

— Тише, дочка, тише, — он называл её дочкой с самого первого дня, и это слово сейчас резало сердце острее ножа. — Я знаю. Знаю, что они там плетут. Тонька и Лерка — они всю жизнь такие. Им лишь бы языками чесать. Ты не принимай близко к сердцу.

— Но они хотят, чтобы Гера ушёл от меня! — выкрикнула Мелисса. — Они что-то замышляют! Вы понимаете? Они разрушают мой брак!

В трубке повисло тяжёлое молчание. Потом Виктор вздохнул — так вздыхает человек, который давно смирился со своим бессилием.

— Я пытался говорить с Тоней, Мелли. Несколько раз. Она меня не слушает. А Лера... ты же знаешь Леру. Она как танк. Если что в голову вбила — не выбьешь. Она Герку с пелёнок растила как своего. Я ей говорил: «Лера, оставь мальчика в покое, у него жена, ему свою жизнь строить надо». А она мне: «Ты ничего не понимаешь в воспитании». — Он горько усмехнулся. — Я в собственном доме никто, дочка. У меня нет права голоса. Тоня с сестрой всё решают вдвоём, а я так... приложение к дивану.

— Но вы же отец! — Мелисса всхлипнула. — Вы можете повлиять на Геру!

— Я пробовал, — в голосе Виктора послышалась боль. — Он меня не уважает. Он смотрит на мать и на крёстную как на оракулов. А я для него — пустое место. Прости меня, девочка. Я бы забрал тебя от них, если бы мог. Но я старый, уставший человек. Всё, что я могу, — это молиться, чтобы у тебя всё наладилось. И ещё — если тебе станет совсем невмоготу, уходи. Не держись за Герку. Он не стоит твоих слёз.

Тогда Мелисса не поняла его. Ей казалось, что за брак нужно бороться до конца. Но теперь, сидя в бунгало на берегу чужого моря, она понимала: Виктор был прав. Он был единственным, кто любил её искренне, но его любовь не могла защитить её от тех двух женщин. Они были системой, спаянным десятилетиями союзом двух сестёр, которые делили одного мужчину на двоих — не Виктора, а Германа. Виктор был лишь тенью в этой семье, отцом по паспорту, чьё мнение ничего не весило. И Мелисса, такая же чужая, как и он, не имела против них ни единого шанса.

Воспоминание схлынуло так же внезапно, как накатило, оставив после себя горький осадок. Мелисса открыла глаза и поняла, что за окном что-то изменилось. Чайник давно вскипел и отключился, а она даже не заметила. Ночь стала ещё темнее, луна скрылась за облаками, и только море продолжало дышать — тяжело, влажно, словно огромный спящий зверь.

Она встала и подошла к окну. Пляж был пуст, но у самой кромки воды что-то светилось. Мягкое, голубоватое свечение, похожее на фосфоресцирующий планктон, только ярче и призрачнее. Оно пульсировало, подрагивало, и Мелиссе вдруг показалось, что оно зовёт её. Не голосом — ощущением, похожим на лёгкое прикосновение к затылку.

Она уже взялась за ручку двери, чтобы выйти, но остановила себя. Завтра. Всё завтра. Сегодня она слишком устала, слишком взвинчена, и встреча с незнакомцем, который знал её имя, только добавляла тревоги. Она отошла от окна, выключила свет и легла в постель, надеясь, что утро принесёт ясность.

Но сон не шёл. Вместо этого в голове крутились обрывки фраз, и все они были о ней. «Крашенная сука», — шептал в памяти голос Валерии. «Ты слишком давишь на Геру», — вторил голос Тони. И поверх всего — мягкий, вкрадчивый баритон Алекса: «Море всё смывает. Нужно только позволить ему».

Где-то в глубине дома, под полом, что-то заскрипело — протяжно, влажно, словно дерево впитывало воду. Мелисса прислушалась, но звук не повторился. Только море, только ветер, только её собственное сердце, бьющееся гулко и неровно.

Она не заметила, как провалилась в тревожную дрему. И в этой дрёме увидела бесконечную толщу воды, тёмную и безмолвную, а в ней — два аквамариновых глаза, горящих, словно фары в тумане. Они приближались медленно, неотвратно, и в их свете не было ни тепла, ни угрозы — только обещание. Обещание, которое пугало и завораживало одновременно.

Утром она проснулась с солёным привкусом на губах и смутным ощущением, что кто-то стоял у её постели, пока она спала. Но в бунгало никого не было. Только на подоконнике, прямо посреди белого дерева, лежала маленькая, влажная раковина, переливающаяся перламутром. И пахло от неё морем, солью и чем-то древним, как сама земля.

Глава 3

Глава 3. Город, которого нет на картах.

Солнце пробивалось сквозь неплотно задёрнутые шторы, рисуя на деревянном полу золотые полосы. Мелисса открыла глаза медленно, нехотя, всё ещё находясь во власти тревожных сновидений, которые ускользали из памяти, оставляя лишь солёный привкус на губах и смутное ощущение чьего-то присутствия. Она повернула голову к подоконнику. Раковина всё ещё лежала там — маленькая, перламутровая, влажно поблёскивающая в утреннем свете. Значит, это был не сон.

Она встала, накинула лёгкий халат и подошла к окну. Море сегодня было другим — спокойным, почти неподвижным, цвета расплавленной бирюзы. Никакого голубоватого свечения у кромки воды, никаких загадочных незнакомцев на пляже. Обычный курортный пейзаж, от которого веяло покоем и безмятежностью. Мелисса тряхнула головой, отгоняя остатки ночных страхов. «Ты просто устала, — сказала она себе. — Долгий перелёт, смена климата, нервы. Вот и мерещится всякое. А раковину могло принести ветром. Или птицей. Или её вообще здесь забыл предыдущий постоялец».

Эта рациональная версия её почти успокоила. Почти.

Через полчаса, приняв прохладный душ и надев лёгкое льняное платье кремового оттенка, Мелисса вышла из бунгало и направилась к главному корпусу отеля. Территория курорта утопала в зелени — оливковые деревья, кусты бугенвиллии, усыпанные алыми и фиолетовыми цветами, аккуратные дорожки, выложенные светлым камнем. Всё дышало уютом и той особой, чуть старомодной элегантностью, которую не могут имитировать современные сетевые отели. Чувствовалось, что это место строили с любовью — или, по крайней мере, с пониманием того, что такое настоящий покой.

Ресторан оказался просторной террасой под навесом из плетёного тростника. Столики были расставлены на почтительном расстоянии друг от друга, и в столь ранний час занятыми оказались лишь два или три. Пожилая пара где-то в углу тихо беседовала по-немецки, мужчина в льняной панаме читал газету, а больше никого и не было. Пахло свежей выпечкой, кофе и морем.

Мелисса выбрала столик у самого края террасы, откуда открывался вид на пляж, и села лицом к морю. Ей нравилось это ощущение — быть одной среди незнакомцев, никому ничего не объяснять, ни перед кем не отчитываться. Странное чувство свободы, смешанное с горечью, до сих пор не улеглось внутри, но по крайней мере здесь, на этом крошечном острове, оно не душило, а позволяло дышать.

— Доброе утро! — звонкий, мелодичный голос раздался так неожиданно, что Мелисса вздрогнула. Рядом со столиком стояла женщина — точнее, девушка, на вид чуть старше самой Мелиссы, может быть, двадцать семь или двадцать восемь. У неё было округлое, приветливое лицо с россыпью веснушек на носу, живые карие глаза и копна рыжевато-каштановых кудрей, собранных в небрежный пучок, из которого уже выбились непослушные пряди. Форменная белая блузка и тёмно-синий фартук выдавали в ней сотрудницу отеля. На бейджике, приколотом к кармашку, значилось: «Иви».

— Доброе утро, — Мелисса невольно улыбнулась в ответ. Улыбка у Иви была заразной — открытой, искренней, из тех, что мгновенно располагают к себе.

— Вы наша новая гостья, да? — Иви уже ставила на стол плетёную корзинку со свежими круассанами и крошечными булочками. — Я вас вчера мельком видела, когда вы заезжали. Мелисса, верно? Меня зовут Иви, я здесь работаю — в основном в ресторане, но иногда помогаю на ресепшене и вообще везде понемногу. Семейный бизнес, знаете ли. Мой дядя держит этот отель, а я у него на подхвате.

— Приятно познакомиться, — сказала Мелисса, беря из корзинки круассан. Он был ещё тёплым, слоёное тесто таяло на языке. — Здесь очень красиво. И очень тихо. Именно то, что мне нужно.

Иви понимающе кивнула, и в её глазах промелькнуло что-то похожее на сочувствие. Она не стала задавать лишних вопросов — то ли профессиональный такт, то ли природная чуткость не позволили ей лезть в душу к незнакомке, которая явно приехала сюда зализывать раны.

— Вы правильно выбрали, — сказала она, поправляя салфетку на соседнем столике. — Наш островок — он особенный. Не такой, как все эти разрекламированные курорты. Сюда приезжают либо те, кто хочет спрятаться от мира, либо те, кто хочет найти что-то... ну, необычное.

— Необычное? — Мелисса подняла бровь.

Иви на мгновение замерла, словно раздумывая, стоит ли продолжать, а потом присела на свободный стул напротив, поставив поднос с кофейником на край стола.

— Можно я с вами на минутку? Всё равно посетителей почти нет, а вы располагаете к беседе. — Она налила Мелиссе кофе — густой, ароматный, с лёгкой карамельной ноткой, — и продолжила: — Понимаете, наш городок, он вообще-то очень старый. Ему несколько тысяч лет, если не больше. Его основали ещё до того, как сюда пришли греки, — какая-то древняя цивилизация, о которой даже археологи мало что знают. Но местные жители помнят. У нас тут легенд больше, чем звёзд на небе.

— Легенд? — Мелисса отпила кофе и почувствовала, как по телу разливается тепло. — Каких, например?

— О, разных, — Иви мечтательно улыбнулась, и её взгляд устремился куда-то за горизонт, где море сливалось с небом в прозрачной дымке. — Говорят, что где-то там, на дне, лежит целый город. Древний, каменный, с храмами и дворцами. Его построили не люди — или, по крайней мере, не совсем люди. Те, кто жил здесь до нас, верили, что море — это живое существо, огромное и разумное. И что у него есть дети. Они выходили на берег, принимали человеческий облик и... смешивались с людьми. Заключали браки. Забирали избранных с собой на глубину.

— Красивая сказка, — сказала Мелисса, но внутри у неё что-то дрогнуло. Она вспомнила аквамариновые глаза Алекса, его странные слова о том, что море «всё смывает». — И что, до сих пор верят?

— Кто-то верит, кто-то нет, — Иви пожала плечами. — Но рыбаки у нас суеверные. Они никогда не выходят в море в полнолуние. Говорят, в такие ночи глубина зовёт. И тех, кто услышит зов и пойдёт на него, больше никто не видит. — Она вдруг рассмеялась, словно испугавшись, что нагнала слишком много мрачности. — Но вы не думайте, это всё бабушкины сказки. На самом деле у нас тут очень весело. Особенно летом — фестивали, ярмарки, музыка. И экскурсии!

— Экскурсии? — Мелисса ухватила за эту тему, стараясь отогнать образ голубых глаз, горящих в темноте.

— Да! — Иви оживилась. — Если захотите посмотреть город, я могу порекомендовать отличных гидов. У нас тут есть пара человек, которые знают каждый камень на острове. Один — местный историк, пожилой такой, с бородой, как у Хемингуэя, зовут его господин Петрас. Он водит по старым кварталам, рассказывает про античные руины, про венецианскую крепость, про заброшенный маяк на южном мысе. Очень познавательно. А второй гид — девушка, Мари, она больше по природным красотам специализируется. Морские гроты, лагуны, скалы. Если любите воду — это к ней.

— Звучит заманчиво, — Мелисса задумалась. После вчерашней встречи на пляже ей было немного не по себе от одной мысли о том, чтобы снова оказаться у воды в одиночестве. Но экскурсия с гидом — это другое дело. Люди, дневной свет, никакой мистики. — Я, пожалуй, попробую.

— Отлично! — Иви просияла. — Я могу прямо сейчас позвонить Мари, и она за вами заедет после обеда. Поверьте, вам понравится. Гроты у нас совершенно волшебные. Говорят, в некоторых из них до сих пор находят древние алтари и статуэтки. Кто-то даже утверждает, что видел там светящиеся фигуры, но это, опять же, из разряда легенд. — Она подмигнула и поднялась со стула. — Ну, я пойду. У меня там десерты подгорают, а наш повар меня убьёт, если я опоздаю. Вы завтракайте, отдыхайте. Если что-то понадобится — я здесь до вечера.

Она ушла, оставив после себя лёгкий аромат ванили и ощущение тепла. Мелисса проводила её взглядом и задумалась. Иви казалась искренней, простой и на удивление уютной — из тех людей, с которыми можно дружить, не опасаясь подвоха. Она совершенно не походила на тех женщин, что окружали Мелиссу в прошлой жизни. Никакого скрытого яда, никаких двойных смыслов. Только открытая улыбка и готовность помочь.

Мелисса допила кофе и посмотрела на море. Оно всё так же лениво катило волны на песок, и в его глубине не было видно ничего, кроме солнечных бликов. «Город на дне, — подумала она. — Затонувшие храмы. Дети моря, выходящие на берег». Красивая сказка. Но что-то в этой сказке тревожило её, цепляло за край сознания, не давая окончательно списать всё на фольклор.

Она достала телефон, открыла браузер и набрала в поиске название острова. Результаты были скудными: пара туристических сайтов с общими фразами, страничка отеля, несколько старых статей про археологические находки в регионе. Никаких легенд, никаких затонувших городов. И всё же...

Мелисса пролистала до конца выдачи и наткнулась на любительский блог. Заголовок гласил: «Места силы: остров, которого нет на картах». Статья была написана каким-то путе-

шественником несколько лет назад. Он описывал те же гроты, о которых упомянула Иви, и утверждал, что в одном из них слышал пение, доносившееся из-под воды. «Мелодия была прекрасной и жуткой одновременно, — писал он. — Я не мог пошевелиться, пока она звучала. А когда она стихла, я увидел, что вокруг меня на камнях лежат десятки раковин, хотя до этого их не было».

Мелисса резко выключила телефон и сунула его в карман. Сердце колотилось быстрее обычного. Она сказала себе, что это просто совпадение. Раковины на пляже — обычное дело. Пение под водой — акустический феномен. Но где-то внутри уже зародилось смутное, неоформленное предчувствие, что этот отпуск окажется совсем не таким, как она планировала.

Она встала из-за стола и уже собиралась уходить, когда заметила на краю террасы фигуру. Высокий силуэт в белой рубашке, тёмные волосы, развевающиеся на ветру. Алекс стоял у балюстрады и смотрел прямо на неё. Он не улыбался, но в его глазах, даже на расстоянии, читалось странное выражение — смесь удовлетворения и ожидания. Словно он знал, что она только что прочитала. Словно он сам направил её к этому блогу.

Мелисса быстро отвернулась и пошла к выходу с террасы, стараясь не ускорять шаг и не показывать страха. Когда она снова бросила взгляд в сторону балюстрады, там уже никого не было. Только белая занавеска колыхалась на утреннем бризе да чайка, сидевшая на перилах, проводила Мелиссу долгим, немигающим взглядом.

После обеда она встретится с гидом. Она поедет в гроты. Она будет вести себя как нормальный турист на нормальном курорте. И никакие легенды, никакие раковины на подоконниках и никакие мужчины с глазами цвета моря не заставят её поверить в то, чего не может быть.

По крайней мере, так она себе сказала. Но море, слушавшее её мысли сквозь толщу воды, лишь усмехнулось в ответ — беззвучно и терпеливо, как умеет усмехаться только вечность.

Глава 4

Глава 4. Гроты

Мари оказалась именно такой, какой её описывала Иви, — высокой, жилистой, с обветренным лицом и выгоревшими добела кудрями, собранными в тугой хвост. От неё пахло солнцем, морем и кокосовым маслом. У причала, где они встретились, покачивалась небольшая моторная лодка, выкрашенная в весёлый голубой цвет.

— Ты одна? — спросила Мари вместо приветствия. Голос у неё был хрипловатый, как у человека, который много кричал сквозь ветер. — Обычно в гроты ездят парочками. Или семьями.

— Я одна, — подтвердила Мелисса, забираясь в лодку. — Разве это проблема?

— Никаких проблем, — Мари пожала плечами и завела мотор. — Просто одной бывает страшно. Там, в гротах, темно. И эхо странное. Некоторых это пугает.

Лодка отчалила от пирса и резво понеслась вдоль скалистого берега. Мелисса сидела на носу, подставив лицо солёным брызгам, и смотрела, как остров раскрывается с новой, незнакомой стороны. Пляжи сменялись отвесными скалами, белыми, как мел, изрезанными ветром и водой в причудливые арки и башни. Кое-где в скалах зияли тёмные провалы — входы в пещеры и гроты, о которых рассказывала Иви.

Мари, перекивая шум мотора, рассказывала истории. Про пиратов, которые прятали в этих гротах награбленное золото. Про контрабандистов, перевозивших шёлк и пряности. Про влюблённых, которые назначали друг другу свидания в пещерах и иногда пропадали без вести.

— Пропадали? — переспросила Мелисса.

— Ну, — Мари хитро прищурилась, сбавляя обороты, — у нас тут есть одна легенда. Говорят, в полнолуние из самого дальнего грота слышится пение. Такое красивое, что никто не может устоять. И те, кто идёт на голос, больше не возвращаются. — Она рассмеялась, увидев выражение лица Мелиссы. — Да не бойся ты. Это просто сказки для туристов. Мы туда и не поплывём. Дальний грот закрыт для посещения — там опасно, камни обваливаются.

Они обогнули очередной скалистый выступ, и Мари заглушила мотор. Лодка мягко ткнулась носом в песчаную отмель у входа в огромную пещеру. Своды её уходили вверх метров на десять, а вода внутри была такого пронзительно-голубого цвета, что казалось, будто она светится сама по себе.

— Первая остановка, — объявила Мари, привязывая лодку к торчащему из воды каменному столбику. — Грот Афродиты. Красивейшее место на острове. Можешь искупаться, если хочешь. Здесь безопасно, глубина небольшая.

Мелисса сняла сарафан, оставшись в купальнике, и осторожно спустилась в воду. Она оказалась прохладнее, чем она ожидала, но не обжигающе холодной, а приятно освежающей. Вода была такой прозрачной, что она видела каждую песчинку на дне, каждую гальку, оброс-

шую зелёными водорослями. Солнечные лучи, проникавшие сквозь трещины в своде пещеры, играли на поверхности воды, разбиваясь на тысячи золотых искр.

— Красиво, правда? — Мари сидела в лодке, свесив ноги, и закуривала сигарету. — Я сюда с детства плаваю. Каждый раз как в первый раз.

Мелисса легла на спину, раскинув руки, и позволила воде держать её. Тишина внутри грота была особенной — глубокой, звонкой, нарушаемой только плеском капель, срывающихся со сталактитов. Она закрыла глаза и попыталась ни о чём не думать. Только вода, только свет, только покой.

Но покой не приходил. Вместо этого в голову лезли непрошенные мысли. Алекс. Его глаза, его голос. То, как он произнёс её имя. И раковина на подоконнике, влажная и пахнущая морем.

— Мари, — она открыла глаза и перевернулась на живот, подплыв ближе к лодке, — а ты знаешь легенду о детях моря?

Мари выпустила струйку дыма и посмотрела на Мелиссу с любопытством.

— Иви рассказала? — уточнила она. — Ну да, есть такая. Старая, ещё до греков. Говорят, море — это живое существо. И у него есть дети. Они могут выходить на сушу, принимать человеческий облик, жить среди людей. Но рано или поздно море зовёт их обратно. И тогда они возвращаются — сами или... — она помедлила, — или забирают с собой кого-то ещё.

— А как они выглядят? — спросила Мелисса, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно. — Эти дети моря?

— По-разному, — Мари пожала плечами. — Как обычные люди, только красивее. И глаза у них... странные. Очень светлые. Говорят, они могут очаровать человека одним взглядом. И тот, кого очаровали, уже не может отказаться. Идёт за ними в воду и... всё.

Она сделала резкое движение рукой, изображая, как кто-то уходит под воду, и Мелисса невольно вздрогнула.

— Ладно, — Мари затушила сигарету и потянулась к мотору. — Поплыли дальше. Я покажу тебе грот с летучими мышами. Они там спят вниз головой, как маленькие зонтики.

Они посетили ещё две пещеры — одну с колонией летучих мышей, которые действительно напоминали перевёрнутые зонтики, и другую, с крошечным подводным туннелем, через который Мари предложила проплыть, чтобы выбраться в скрытую от посторонних глаз лагуну. Мелисса согласилась — проплыла, задержав дыхание, через узкий проход и оказалась в маленькой круглой бухте, окружённой со всех сторон высокими скалами. Вода здесь была неподвижной, бирюзовой и очень солёной — настолько, что тело держалось на поверхности почти без усилий.

— Моё любимое место, — сказала Мари, выныривая следом. — Раньше сюда можно было попасть только через этот туннель, а теперь туристы протоптали тропу сверху. Но мы по воде пришли, так что считай, что это аутентично.

Она плавала кругами, что-то рассказывая про местных крабов, а Мелисса смотрела вниз. Ей вдруг показалось, что под ней, на глубине, что-то шевельнулось. Какая-то тень, огромная и медленная, скользнула по самому дну лагуны и исчезла в расщелине.

— Мари, — тихо позвала она. — Там кто-то есть. Внизу.

Мари подплыла ближе и глянула в воду.

— Рыба, наверное, — сказала она. — Или скат. Тут иногда скаты заплывают, не бойся. Или... — она вдруг замолчала, всматриваясь во что-то на дне.

— Что?

— Ничего, — Мари резко выпрямилась, и её лицо стало серьёзным. — Пора возвращаться. Солнце скоро сядет, а мне ещё лодку ставить на прикол.

Они поплыли обратно, но Мелисса заметила, что Мари больше не шутит и не рассказывает легенд. Она была напряжена, и взгляд её то и дело скользил по воде, словно она высматривала что-то под поверхностью. Мелисса не стала спрашивать, но внутри неё поселилось смутное беспокойство.

Когда они причалили к пирсу, солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая небо в розовые и золотые тона. Мари помогла Мелиссе выбраться из лодки и, уже прощаясь, вдруг взяла её за руку.

— Ты прости, что я замолчала там, в лагуне, — сказала она. — Не хотела тебя пугать.

— А что ты увидела? — спросила Мелисса.

Мари помедлила, покусывая губу.

— Не знаю, — призналась она. — Может, показалось. Но на дне лагуны, под тем местом, где ты плавала, лежали раковины. Много раковин. Они были выложены по кругу, понимаешь? Как будто кто-то специально их так разложил. Такого раньше не было. Я здесь каждую неделю бываю и никогда ничего подобного не видела.

Мелисса ничего не ответила. Холодок пробежал по спине, несмотря на тёплый вечерний воздух. Она попрощалась с Мари и пошла к своему бунгало, стараясь не думать о раковинах, выложенных по кругу, и о тени на дне лагуны.

В бунгало было тихо. Слишком тихо. Она включила свет, бросила сумку на кровать и вдруг остановилась. На подоконнике, там же, где утром лежала первая раковина, теперь лежало ещё две. Такие же — маленькие, перламутровые, переливающиеся в электрическом свете. И они были влажными.

Мелисса подошла ближе и осторожно дотронулась до одной. Раковина была холодной, как кожа рептилии, и от прикосновения чуть приоткрылась, показав розовую, пульсирующую плоть внутри. Мелисса отдернула руку и попятилась. Сердце колотилось где-то в горле.

Она схватила телефон и уже готова была позвонить Иви или на ресепшен, чтобы попросить переселить её в другой номер, как вдруг экран телефона моргнул и погас. Мелисса нажала кнопку — ничего. Телефон был полностью заряжен ещё утром, но сейчас он лежал в её руке чёрным, мёртвым куском пластика. На безжизненном экране медленно, словно проступая из глубины, начали появляться буквы. Мелисса с ужасом смотрела, как они складываются в слова:

«НЕ БОЙСЯ. Я РЯДОМ. А.»

Она отшвырнула телефон на кровать и вжалась спиной в стену. Воздух в бунгало стал влажным и солёным, как будто море дышало прямо ей в лицо. Под полом что-то заскрипело — протяжно, влажно. И где-то снаружи, с той стороны окна, раздался звук. Низкий, утробный, похожий одновременно на пение кита и на человеческий голос. Он звал её по имени.

— Мелисса...

Она закрыла уши руками и зажмурилась, но голос звучал не снаружи. Он был внутри неё. Он звучал в её собственной голове, в её крови, в её костях. И он обещал покой. Обещал конец всем страданиям, всем предательствам, всем воспоминаниям. Нужно было только открыть дверь и пойти на пляж. Пойти в воду. Позволить морю принять её.

Мелисса не знала, сколько времени она так простояла — зажмурившись, зажимая уши, борясь с этим зовом. Но когда она открыла глаза, за окном уже было темно. Телефон лежал на кровати и работал как ни в чём не бывало. Раковины с подоконника исчезли. И в бунгало пахло не солью, а обычным вечерним воздухом с нотками цветущей бугенвиллии.

Она медленно, на негнущихся ногах подошла к двери и выглянула наружу. Пляж был пуст. Луна висела над морем, жёлтая и круглая, как бельмо. И на песке, прямо у порога, тянулась цепочка следов — босых ног, ведущих от воды к двери. Но обратных следов не было.

Глава 5

Мелисса не спала.

Она лежала в постели, глядя в потолок, и считала трещины в побелке. Их было одиннадцать. Одиннадцать тонких, извилистых линий, расходящихся от центра, как трещины на дне пересохшего озера. Телефон она выключила и убрала в ящик — после сообщения, проступившего на мёртвом экране, ей не хотелось к нему прикоснуться. Дверь она заперла на замок и на щеколду. Окна задёрнула плотными шторами.

Но тишина всё равно была неполной. Море дышало где-то совсем рядом, и в этом дыхании ей чудились голоса.

Она не заметила, как провалилась в дрему. Должно быть, усталость взяла своё — та самая, глубинная, что накапливается не за день, а за месяцы. Ей показалось, что она всё ещё лежит в кровати, но воздух вокруг стал плотным и влажным, как в бане. Она повернула голову — и увидела, что дверь бунгало распахнута настежь.

В проёме стояла ночь. И в этой ночи, у самой кромки воды, кто-то был.

Мелисса встала. Она не хотела вставать — тело двигалось само, подчиняясь чужой воле. Босые ноги ступили на деревянный пол, потом на песок. Песок был холодным, но не обжигал. Луна висела низко, круглая и жёлтая, как бельмо, и в её свете пляж казался декорацией к спектаклю — ненастоящим, нарисованным.

У воды стояла женщина.

Она была молодой — может быть, ровесницей Мелиссы. Длинные тёмные волосы, намокшие и тяжёлые, облепляли её плечи и спину. Платье — старомодное, светлое, с кружевным воротником — было порвано на подоле и покрыто пятнами соли. Но самым странным было не это. Кожа женщины отливала серебром. Мелкая, плотная чешуя покрывала её руки от локтей до кончиков пальцев, поднималась по шее к скулам, и в лунном свете казалось, что она одета в драгоценную кольчугу.

Женщина плакала. Беззвучно, не всхлипывая — просто слёзы текли по её щекам, оставляя влажные дорожки на чешуе.

— Помоги мне, — сказала она. Голос у неё был тихий, надтреснутый, как шум гальки, перекачиваемой волной. — Пожалуйста. Я не могу сама. Я пыталась, но меня не отпускают.

Мелисса сделала шаг вперёд. Внутри неё боролись страх и жалость — но жалость, старая добрая жалость, которая столько раз заставляла её прощать, терпеть, понимать, оказалась сильнее.

— Что с вами? — спросила она. — Что случилось?

— Он не отпускает, — женщина протянула к ней руку. Ладонь была покрыта чешуёй, но пальцы оставались человеческими — тонкими, дрожащими. — Я здесь уже так давно. Я забыла, как пахнет земля. Я забыла, какое солнце. Помоги мне. Пожалуйста.

Мелисса смотрела на протянутую руку. Что-то в этой сцене было неправильным. Что-то, кроме чешуи и лунного света, кроме того факта, что она стоит на пляже посреди ночи и разговаривает с незнакомкой, которая не оставляет следов на песке.

Следов. Да, точно. Женщина стояла на мокром песке, но вокруг неё не было ни одной вмятины. И волны, накатывающие на берег, проходили сквозь неё.

— Ну же, — голос женщины стал настойчивее. — Дай мне руку. Ты ведь добрая. Ты ведь понимаешь, каково это — когда тебя бросают.

Слова ударили в самую болезненную точку. Мелисса уже подняла руку, уже потянулась навстречу — и вдруг замерла.

Иви. Слова Иви про древние легенды. «Говорят, они могут очаровать человека одним взглядом. И тот, кого очаровали, уже не может отказаться. Идёт за ними в воду и всё».

Женщина, перехватив её взгляд, перестала плакать. Слёзы высохли мгновенно, как капли на раскалённом камне. Выражение лица изменилось — жалостливая гримаса сменилась холодным, оценивающим прищуром.

— Дай. Мне. Руку, — произнесла она по слогам, и голос её пошёл трещинами, как лёд под ногами.

Мелисса отдернула пальцы в последний миг.

Женщина закричала.

Это не было похоже на человеческий крик. Звук вырвался из её горла, как вой штормового ветра, как скрежет якорной цепи. Чешуя на её лице встопорщилась, глаза вспыхнули голубым — тем самым, аквамариновым. Рот раскрылся шире, чем это возможно для человека, обнажив ряды тонких, загнутых внутрь зубов.

— ТЫ ДУМАЕШЬ, У ТЕБЯ ЕСТЬ ВЫБОР?! — взревела она и бросилась вперёд.

Мелисса побежала.

Песок уходил из-под ног, цеплялся за ступни, замедлял. Она слышала за спиной тяжёлое, влажное дыхание, чувствовала ледяной холод, исходящий от преследовательницы. До бунгало оставалось всего ничего — она уже видела свет на веранде, — но вдруг воздух перед ней стужился, пошёл рябью, как над костром, и женщина возникла прямо перед ней. Из ниоткуда. Как Алекс тогда, на пляже.

— Маленькая дрянь, — прошипела она, хватая Мелиссу за волосы. Пальцы, униженные чешуёй, сомкнулись мёртвой хваткой. — Думала, можно просто посмотреть и уйти?

Она потащила Мелиссу к воде. Та кричала, брыкалась, пыталась вцепиться ногтями в чешуйчатую руку, но пальцы скользили, не находя опоры. Море приближалось — чёрное, маслянистое, дышащее. Волна лизнула её ступни, потом колени. Вода была ледяной. Она жгла кожу, как кислота.

— Он выбрал тебя, — шептала женщина, наклоняясь к самому уху. — Он выбрал тебя, а я осталась там. Гнить. Ждать. Ты не заслужила.

Вода дошла до пояса, потом до груди. Мелисса уже захлёбывалась — солёная горечь заполнила рот, нос, уши. Она в последний раз рванулась, выгнулась дугой — и...

Проснулась.

Села на кровати, хватая ртом воздух. Сердце колотилось так, что его, наверное, было слышно за дверью. Постель была мокрой насквозь. Не от пота — от воды. Солёной, пахнущей тиной и водорослями. Волосы облепили лицо мокрыми прядями, и с них капало на подушку, на плечи, на сбитую простыню.

За окном занимался рассвет. Небо из чёрного становилось серым, потом розовым, и первые лучи солнца уже золотили верхушки олив. Море было спокойным. пляж — пустым.

Мелисса спустила ноги с кровати и обнаружила, что стоит в луже. На деревянном полу бунгало, вокруг кровати, растеклась морская вода. От неё тянулись мокрые следы к двери. Но дверь была заперта. И замок, и щеколда.

Она долго сидела, обхватив колени руками, пытаясь убедить себя, что это был сон. Просто сон. Кошмар. Нервный срыв. Что угодно. Но мокрые волосы, солёные губы и запах моря, пропитавший всё вокруг, говорили об обратном.

Через час, кое-как приведя себя в порядок, она вышла к завтраку. Не потому, что хотела есть, — есть ей не хотелось уже вторые сутки. А потому, что боялась оставаться одна в бунгало.

Ресторан встретил её привычным уютом. Та же пожилая пара в углу, тот же мужчина с газетой, тот же аромат свежих круассанов. Иви помахала ей рукой издали и жестом показала, что сейчас подойдёт. Мелисса выбрала столик в противоположном конце террасы, подальше от моря, и села, сжимая в ладонях чашку с горячим кофе.

— Доброе утро, Мелисса.

Она вздрогнула и подняла взгляд. У соседнего столика, буквально в двух шагах, сидел Алекс. Он был одет в свободную льняную рубашку кремового цвета, небрежно расстёгнутую на груди, и держал в руке чашку с чаем. От него пахло — она теперь узнала этот запах — свежевскрытой раковины, солью и чем-то древним, как океанское дно.

— Вы... ты давно здесь? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— С рассвета, — он улыбнулся краешком губ. — Я люблю встречать солнце у воды. Сегодня оно было особенно красивым.

Он помолчал, глядя на неё, и добавил:

— Ты тоже его встречала. Я видел, как ты стояла у окна. Мы смотрели на одно и то же небо.

Мелисса опустила взгляд. Она действительно стояла у окна — после пробуждения, ещё мокрая, дрожащая, пытаюсь понять, что из случившегося было сном, а что нет. И она видела рассвет. И сейчас, при свете дня, всё это казалось почти нелепым — женщина в чешуе, крик, борьба. Просто кошмар. Просто слишком много легенд за один день.

— Ты плохо спала? — спросил Алекс. В его голосе звучало участие — простое, человеческое. — У тебя усталый вид.

— Мне снился... странный сон, — призналась Мелисса. Она не знала, зачем говорит это ему, почти незнакомому человеку, но слова выходили сами собой. — Очень реалистичный. Будто я вышла на пляж, а там стояла женщина. Вся в чешуе. Она просила помощи, но когда я попыталась уйти, набросилась на меня и потащила в воду.

Алекс отставил чашку. Выражение его лица изменилось — улыбка исчезла, уступив место сосредоточенному, почти мрачному вниманию.

— Женщина в чешуе? — переспросил он. — Молодая, с тёмными волосами, в светлом платье?

Мелисса замерла. Чашка в её руке дрогнула, кофе выплеснулся на блюдце.

— Откуда ты знаешь?

Алекс помолчал, глядя куда-то поверх её плеча — туда, где море сливалось с небом. Потом перевёл взгляд на неё и заговорил. Голос его звучал ровно, но в нём появилась какая-то новая, непривычная серьёзность.

— Я знаю, о ком ты говоришь, — сказал он. — Это старая история. Местная легенда. Мне рассказали её, когда я впервые приехал сюда — года три назад, кажется. Я тогда тоже интересовался местным фольклором, археология к этому располагает. И мне тоже снились сны.

— Какие сны? — шёпотом спросила Мелисса.

— Похожие на твой, — Алекс отвёл взгляд. — Женщина на пляже. Чешуя. Холодная вода. Я видел её несколько раз, когда только поселился здесь. Просыпался мокрым, хотя окна были закрыты. Думал, что схожу с ума. А потом один старый рыбак рассказал мне эту легенду.

Он сделал глоток чая и продолжил:

— Говорят, лет пять назад на острове пропала девушка. Туристка. Приехала одна, как и ты. Поселилась в бунгало у моря. А потом просто исчезла. Полиция искала, но ничего не нашла — ни тела, ни вещей. Только мокрые следы на песке, ведущие в воду. Местные говорят, что море забрало её. Что она стала одной из тех, кого древние называли «неприкаянными» — душами, которых глубина не приняла до конца, но и на сушу не отпустила.

Мелисса слушала, чувствуя, как холод, пережитый во сне, возвращается. Ползёт по позвоночнику, сжимает горло.

— Как её звали? — спросила она.

— Елена, — ответил Алекс. — Елена Корсакова. Кажется, так. Рыбак сказал, что она была из России. Как и ты.

Их взгляды встретились. В аквамариновых глазах Алекса читалось что-то, чего Мелисса не могла расшифровать, — не страх, не тревога, а скорее странное, почти исследовательское любопытство, смешанное с сочувствием.

— Ты веришь в это? — спросила она. — В то, что она стала... неприкаянной?

— Я верю, что море — странное место, — медленно произнёс Алекс. — Оно хранит тайны, о которых мы, сухопутные, даже не догадываемся. И я верю, что некоторые люди... некоторые души остаются здесь даже после того, как их тела исчезают. Может быть, она действительно не может уйти. Может быть, ей нужна помощь. Или, — он сделал паузу, — может быть, она просто завидует живым. Тем, кто ещё может дышать воздухом и греться на солнце.

— Она напала на меня, — прошептала Мелисса. — Во сне. Она тащила меня в море.

— Во сне, — повторил Алекс, и в его голосе прозвучал странный акцент. — Но ты проснулась мокрой, верно? И вода была солёной.

Мелисса не ответила. Да и не нужно было — он всё уже знал.

— Я тоже просыпался мокрым, — сказал он тихо. — В первые недели. А потом сны прекратились. Может быть, она поняла, что я не тот, кто ей нужен. Или просто потеряла интерес. Не знаю. Но тебе, — он посмотрел на неё с искренним беспокойством, — тебе нужно быть осторожнее. Не ходи к воде по ночам. Не откликайся, если услышишь своё имя.

— А ты? — спросила Мелисса. — Ты ходишь к воде по ночам?

Алекс улыбнулся — мягко, почти печально.

— Я другое дело, — сказал он. — Я морской археолог. Море — моя работа. И моя страсть. Я привык к его странностям. А ты пока ещё нет.

Иви, подошедшая с кофейником, застала их в молчании. Она налила Мелиссе свежий кофе, бросила короткий взгляд на Алекса и спросила:

— Всё в порядке? Вы выглядите так, будто обсуждаете что-то жуткое.

— Всего лишь местный фольклор, — ответил Алекс, и голос его снова стал лёгким, почти беззаботным. — Я рассказывал Мелиссе про наши легенды. Про девушку, которая пропала пять лет назад.

Иви замерла. Её рука с кофейником дрогнула.

— Не надо об этом за завтраком, — сказала она с деланной улыбкой. — А то у нашей гостьи аппетит пропадёт. Это всё старые сказки, Мелисса. Не берите в голову.

Но глаза её, когда она смотрела на Алекса, говорили совсем другое.

Когда Иви отошла, Алекс наклонился к Мелиссе и сказал, понизив голос:

— Если хочешь, я могу показать тебе место, где её видели в последний раз. Это дальний мыс, там есть старый маяк. Не экскурсия — просто прогулка. Днём, при свете солнца, это совсем не страшно. А тебе, возможно, станет легче, если ты увидишь всё своими глазами. Иногда понимание прогоняет страх.

Мелисса заколебалась. С одной стороны, после всего, что случилось, ей хотелось держаться от этого человека подальше. С другой — он был единственным, кто её понял. Кто тоже видел сны. Кто тоже просыпался мокрым.

— Я подумаю, — сказала она.

— Конечно, — Алекс кивнул. — Я буду на пляже после обеда. Если решишься — приходи.

Он поднялся, оставил на столе несколько купюр и ушёл — лёгкой, почти танцующей походкой, словно сама земля была ему не опорой, а временной условностью.

Мелисса осталась сидеть, глядя в чашку с остывшим кофе. Легенда о пропавшей девушке. Сны, которые снятся двоим. Мокрые следы и чешуя. Всё это можно было списать на совпадения и богатое воображение. Но где-то внутри неё уже зрела уверенность — холодная, ясная, как морская вода: ничего из происходящего не было случайным. И Алекс знал гораздо больше, чем рассказывал.

Глава 6

После завтрака Мелисса вернулась в бунгало и долго сидела на краю кровати, глядя на мокрые следы, которые до сих пор не высохли на деревянном полу. Слова Алекса крутились в голове, как заезженная пластинка. Елена Корсакова. Пять лет назад. Пропала без вести. Мокрые следы, ведущие в воду.

Он знал эту легенду. Он тоже видел сны. Он тоже просыпался мокрым.

И теперь он предлагал ей прогулку к маяку — туда, где эту девушку видели в последний раз.

Мелисса не была наивной. Она понимала, что происходит что-то странное, что этот мужчина появился в её жизни не случайно и что его интерес к ней выходит далеко за рамки курортного флирта. Но он был единственным, кто не смотрел на неё с жалостью. Единственным, кто не задавал глупых вопросов и не давал непрошенных советов. Единственным, с кем она чувствовала себя не разведённой неудачницей, а просто женщиной.

Она подошла к зеркалу и всмотрелась в своё отражение. Русые волосы, спутанные после влажной ночи. Тёмные круги под глазами. Бледная кожа. Она выглядела измученной — и в то же время в её глазах появилось что-то новое. Какая-то упрямая, живая искра.

«Нет, — сказала она себе. — Никаких прогулок. Никаких маяков. Ты приехала сюда отдыхать, а не заводить новый роман с подозрительным незнакомцем, который слишком много знает о твоих снах».

Она надела купальник, взяла книгу и решительно направилась на пляж. Солнце припекало, море лениво накатывало на песок, и всё вокруг выглядело таким нормальным, таким курортно-беззаботным, что ночной кошмар начал казаться именно тем, чем он, вероятно, и был, — просто сном.

Она легла на шезлонг, открыла книгу и попыталась читать. Но строчки расплывались перед глазами. Вместо текста она видела лицо Алекса — его аквамариновые глаза, его мягкую улыбку, его пальцы, сжимающие чашку с чаем. Она вспомнила, как он сказал: «Я тоже просыпался мокрым». И это простое признание — не попытка впечатлить, не дешёвый приём пикапера — вдруг показалось ей самым искренним, что она слышала за последние годы.

Она пролежала на пляже час, может, два. Потом резко захлопнула книгу и села.

«Какого чёрта, — подумала она. — Ты на острове. Ты свободна. Ты можешь просто прогуляться с человеком, который тебе интересен. Это не свадьба и не ипотека. Это просто прогулка».

Она встала, отряхнула песок и пошла искать Алекса.

Он нашёлся там же, где и обещал, — на пляже, у дальнего края, где скалы вдавались в море. Он сидел на большом плоском камне и смотрел на воду. Ветер трепал его волосы, а белая

рубашка, как всегда, была расстёгнута. Услышав шаги, он обернулся и улыбнулся — без тени удивления, словно знал, что она придёт.

— Я решилась, — сказала Мелисса, останавливаясь в нескольких шагах. — Но только если это недалеко. И если ты не будешь рассказывать жутких историй.

— Обещаю, — он прыгнул с камня. — Никаких жутких историй. Только маяк, только море, только хорошая компания.

Тропа к дальнему мысу оказалась узкой и извилистой. Она петляла между скал, поросших колючим кустарником, то взбираясь вверх, то спускаясь к самой воде. Солнце палило нещадно, и Мелисса порадовалась, что надела шляпу. Алекс шёл впереди, иногда оборачиваясь и подавая ей руку на особенно крутых участках. Его ладонь была прохладной, несмотря на жару, и прикосновение к ней каждый раз отзывалось в груди Мелиссы странным, тревожным теплом.

— Как ты стал морским археологом? — спросила она, когда они остановились передохнуть в тени старой оливы.

— Случайно, — он усмехнулся. — Я вообще-то собирался стать биологом. Но в университете попал на практику к археологам, и меня отправили нырять. Я опустился на дно — там был старый римский корабль, — и понял, что не хочу всплывать. С тех пор так и живу — между сушей и морем.

— И не страшно? — спросила Мелисса. — Там, внизу? В темноте?

— Темнота — это просто отсутствие света, — ответил он. — А свет можно взять с собой. Страшно другое — когда не знаешь, что ищешь. Я всегда знаю.

Она хотела спросить, что он ищет сейчас, на этом острове, но промолчала. Что-то в его тоне подсказывало, что ответ ей не понравится.

Маяк показался из-за поворота внезапно — высокий, стройный, выкрашенный в белый и красный. Он был заброшен, это сразу бросалось в глаза: краска облупилась, фонарь на верхушке давно не горел, а дверь была заколочена досками. Но место вокруг него оказалось удивительно красивым. Скала, на которой стоял маяк, нависала над морем, и с неё открывался вид на весь залив — бесконечную синеву, пронизанную солнечными лучами.

— Здесь её видели? — тихо спросила Мелисса, глядя вниз, на пенящиеся у подножия скалы волны.

— Говорят, что здесь, — Алекс встал рядом. — Но я не для этого тебя привёл. Посмотри вокруг. Разве здесь может быть что-то страшное?

Мелисса оглянулась. Море, небо, скалы, чайки, парящие в вышине. Действительно — ничего страшного. Только красота, от которой перехватывало дыхание.

— Спасибо, — сказала она. — За то, что привёл. И за то, что рассказал легенду. Мне стало легче.

— Я рад, — он повернулся к ней и вдруг взял её за руку. — Мелисса, я... я вообще-то не очень умею говорить такие вещи. Но мне с тобой хорошо. Не знаю, что у тебя случилось в прошлом и кто тебя обидел, но я хочу, чтобы ты знала: здесь и сейчас, на этом дурацком маяке, ты — лучшая компания, которую я мог себе представить.

Она замерла. Его глаза были так близко — аквамариновые, прозрачные, и в них отражалось море.

— Ты красивая, когда не хмуришься, — добавил он тихо.

И потянулся к ней.

Мелисса почувствовала его дыхание на своих губах — и отшатнулась. Не резко, не испуганно, но достаточно, чтобы он остановился.

— Прости, — сказала она, опуская взгляд. — Я не... я не могу. Ещё слишком рано. Слишком много всего. Я даже не знаю тебя толком.

На лице Алекса промелькнула тень — не обида, а скорее печаль, смешанная с пониманием. Он отпустил её руку, сделал шаг назад и кивнул.

— Я понимаю, — сказал он. — Это я должен просить прощения. Не хотел торопить. Просто... — он усмехнулся, — просто маяк, закат, красивая женщина. Дурацкие романтические штампы. Давай забудем.

Он повернулся к морю, подставив лицо ветру, и Мелисса смотрела на его профиль — чёткий, почти античный. И вдруг остро почувствовала, что поступает неправильно. Не с ним — с собой.

Он не давил. Не манипулировал. Не пытался ничего доказать. Он просто был рядом — и этого оказалось достаточно, чтобы её сердце, затопленное горечью и обидой, начало понемногу оттаивать.

— Алекс, — позвала она.

Он обернулся.

Мелисса сделала шаг, привстала на цыпочки и быстро, почти невесомо коснулась губами его щеки. Кожа была прохладной и пахла морем.

— Это не «нет», — сказала она, отстраняясь. — Это «не сейчас». Ты... ты мне тоже нравишься. Просто мне нужно время.

Он поднёс руку к щеке, словно проверяя, не приснился ли ему этот поцелуй, и улыбнулся — широко, открыто, по-мальчишески.

— Время, — повторил он. — Хорошо. Времени у нас сколько угодно.

Мелисса улыбнулась в ответ — впервые за долгое время не через силу, не из вежливости, а просто потому, что ей этого захотелось.

Они просидели на маяке до заката. Говорили о пустяках — о музыке, о книгах, о том, как Алекс однажды нашёл на дне моря древнюю амфору, полную оливковых косточек. Он смешил её, и она смеялась — сначала тихо, потом всё громче, и этот смех был для неё самой неожиданностью, как будто она вдруг обнаружила в себе новый орган, о существовании которого не подозревала.

Когда солнце начало клониться к горизонту, они двинулись в обратный путь. Тропа уже погрузилась в сумерки, и Алекс держал Мелиссу за руку — теперь уже не для романтики, а чтобы она не споткнулась о камни.

— Осторожно, здесь корень, — говорил он, подсвечивая путь фонариком на телефоне.

— Ты прямо как гид, — усмехнулась Мелисса.

— Вообще-то я и есть гид, — отозвался он. — Только специализируюсь не на сухопутных экскурсиях.

У самого подножия холма, где тропа выходила к пляжу, Алекс вдруг остановился. Он наклонился и поднял что-то с земли.

— Смотри, — сказал он странным голосом.

На его ладони лежала раковина. Маленькая, перламутровая, влажная — хотя дождя не было, а до моря оставалось ещё метров сто.

— Прилив не мог забросить её так далеко, — тихо сказала Мелисса.

— Не мог, — согласился Алекс. Он посмотрел на неё, и в его глазах она снова увидела ту самую, утреннюю серьёзность. — Когда я говорил тебе про свои сны... я не всё рассказал.

— Что ты имеешь в виду? — Мелисса напряглась.

— Эти раковины, — он взвесил находку на ладони. — Они появлялись и у меня. Всегда, когда она приходила во сне. А потом исчезали. Я не знаю, что это значит. Может быть, знак. Может быть, предупреждение. Но тебе нужно быть осторожной, Мелисса. Очень осторожной.

Он протянул ей раковину. Она взяла её — холодную, идеально гладкую, пахнущую тиной. Точно такую же, как те, что она находила на подоконнике.

— Я не верю в легенды, — сказала она, сжимая раковину в кулаке.

— Я тоже не верил, — ответил Алекс. — Поначалу.

Они спустились к отелю в молчании. У дверей бунгало Алекс остановился, не переступая порога.

— Спасибо за сегодня, — сказал он. — За прогулку. За разговор. И за это.

Он коснулся своей щеки — там, где ещё хранился след её губ.

— Спокойной ночи, Мелисса. Надеюсь, сегодня тебе приснится что-нибудь хорошее.

— Спокойной ночи, Алекс, — ответила она.

Она закрыла дверь, заперла замок, задёрнула шторы. Положила раковину на подоконник — рядом с двумя другими, которые так и не исчезли. И долго стояла, глядя на них, пока за окном окончательно не стемнело.

Где-то вдалеке, у кромки воды, снова зажёгся голубоватый свет. Но сегодня Мелисса не стала к нему подходить. Вместо этого она легла в постель, закрыла глаза и позволила себе вспомнить не женщину в чешуе и не мокрые следы на полу, а другое — прохладную щеку под своими губами и голос, сказавший: «Ты красивая, когда не хмуришься».

И впервые за много дней она уснула с улыбкой.

Глава 7

Утро встретило Мелиссу солнечным светом и тишиной — той самой, уютной, курортной, которой она наслаждалась в первые дни. Она потянулась в постели и вдруг поймала себя на том, что улыбается. Просто так. Без причины.

Потом вспомнила вчерашний день. Маяк. Его щёку под своими губами. Его голос: «Ты красивая, когда не хмуришься». И улыбнулась ещё шире.

Она встала, подошла к окну и отдернула штору. Море было спокойным, небо — ясным, а на подоконнике, рядом с тремя раковинами, лежала четвёртая. Маленькая, перламутровая, влажная.

Мелисса перестала улыбаться. Она взяла раковину в руку, повертела, поднесла к свету. Та была точно такой же, как и предыдущие. И пахла морем.

«Прилив, — сказала она себе. — Ветер. Чайки. Что угодно».

Но внутри уже поселилась холодная уверенность: раковины появлялись не просто так. И они имели отношение к Алексу.

За завтраком Иви встретила её особенно оживлённо.

— Сегодня ярмарка! — объявила она, ставя перед Мелиссой тарелку с йогуртом и мёдом. — В городке, на главной площади. Будет музыка, танцы, торговля. Все местные приходят, туристы тоже. Ты должна пойти!

— Ярмарка? — Мелисса отпила кофе. — Звучит заманчиво.

— И, — Иви заговорщически понизила голос, — Алекс будет там. Он вообще-то главный организатор.

Мелисса поперхнулась кофе.

— Алекс? Организатор ярмарки?

— Ну да, — Иви удивлённо подняла брови. — А ты не знала? Он каждый раз, когда приезжает на остров, что-нибудь да устраивает. То ярмарку, то фестиваль морской кухни, то регату для местных рыбаков. В прошлый его приезд, года три назад, он организовал праздник фонариков на пляже — весь остров до утра гулял. А ещё раньше, кажется, помогал с реставрацией старого маяка и устроил там выставку. Дети его обожают, зовут «капитан Алекос». Рыбаки с ним советуются о погоде — и он ни разу не ошибся. Представляешь?

Мелисса слушала и чувствовала, как её представление об Алексе медленно, но верно переворачивается. Она привыкла думать о нём как об одиночке, загадочном незнакомце, который появляется из ниоткуда. А он, оказывается, был душой этого острова.

— Почему ты раньше не рассказывала? — спросила она.

Иви пожала плечами.

— Ты не спрашивала. Да и потом, — она замялась, — я не была уверена, что вы... ну, что вы подружитесь. Он вообще-то хороший. Местные его любят. Просто... — она снова замялась, — странный. Но хороший.

Мелисса хотела расспросить, что значит «странный», но Иви уже упорхнула к другому столику.

Городок встретил их шумом и красками. Главная площадь, выложенная старым булыжником, была заставлена прилавками с керамикой, тканями, украшениями из ракушек и серебра. В воздухе пахло жареными каштанами, свежей выпечкой и морем. Где-то играла скрипка, и несколько пар уже кружились в танце прямо на мостовой.

Мелисса шла рядом с Иви, разглядывая всё вокруг, и вдруг увидела его.

Алекс стоял у старого фонтана в центре площади, окружённый детьми. Мальчишки и девчонки, человек десять, сидели прямо на камнях и слушали, разинув рты. Он держал в руках большую морскую раковину — не такую, как те, что появлялись на подоконнике Мелиссы, а огромную, спиральную, размером с дыню — и говорил:

— ...и тогда капитан понял, что судно сейчас пойдёт ко дну. Он приказал команде спускать шлюпки, но сам остался на борту. Потому что настоящий капитан никогда не покидает свой корабль. Он стоял на мостике, смотрел в глаза шторму и пел песню, которую пела ему мать в детстве. И море услышало. Море уважает смелых. Оно не тронуло его. Волны расступились, и корабль прошёл сквозь шторм, как нож сквозь масло.

Дети ахнули. Какой-то мальчишка дёрнул его за рукав:

— Господин Алекос, а это правда?

— Конечно, правда, — Алекс подмигнул. — Я сам видел этого капитана. Он теперь живёт на соседнем острове и держит таверну.

Дети засмеялись, а Алекс поднял голову и заметил Мелиссу. Его лицо озарилось улыбкой — той самой, открытой, мальчишеской.

— Прошу прощения, юнги, — сказал он детям. — Капитан должен поприветствовать гостью.

Он подошёл к Мелиссе и Иви.

— Ты пришла, — сказал он, глядя на Мелиссу так, будто она была единственным человеком на площади.

— Иви привела, — ответила она, чувствуя, как щёки теплеют.

— Я пойду, — Иви понимающе улыбнулась. — У меня там бабушка торгует травами, надо помочь. Но позже, Мелисса, — она бросила на неё многозначительный взгляд, — бабушка просила привести тебя. Сказала, хочет познакомиться.

Иви растворилась в толпе, а Алекс взял Мелиссу за руку и повёл по ярмарке. Он показывал ей прилавки, знакомил с местными жителями. Старый рыбак Костас, обветренный, как скалы, хлопнул Алекса по плечу и сказал Мелиссе:

— Этот парень — лучший предсказатель погоды на всём побережье. Если он говорит, что завтра будет штиль, — будет штиль. Если говорит, что пойдёт рыба, — рыбаки набивают трюмы. Не знаю, как он это делает. Наверное, дружит с Посейдоном.

Алекс только усмехнулся и пожал плечами:

— Просто старые морские приметы.

Хозяйка пекарни, пожилая гречанка с морщинистым лицом и добрыми глазами, угостила их пахлавой и отказалась брать деньги.

— Алекос помог моему внуку поступить в морскую академию, — объяснила она Мелиссе. — Написал рекомендательное письмо, хотя мы его даже не просили. Такой человек. Золото, а не человек.

Мелисса слушала эти истории и смотрела на Алекса новыми глазами. Вот он стоит у рыбного прилавка, обсуждая с рыбаками улов. Вот он помогает старухе донести корзину с фруктами. Вот он подбрасывает в воздух маленькую девочку, и та визжит от восторга.

— Ты здесь как дома, — сказала Мелисса, когда они наконец остались вдвоём на краю площади.

— Этот остров — моё любимое место на земле, — ответил он. — Я приезжаю сюда уже много лет. Здесь живут хорошие люди.

— А где твой настоящий дом?

Он помолчал.

— У моря нет дома, — сказал он наконец. — Оно везде и нигде одновременно. Как и я.

Она хотела спросить, что это значит, но в этот момент вернулась Иви.

— Мелисса! — позвала она. — Бабушка готова тебя принять. Она там, за углом, в своей лавке. Только... — Иви замялась, — она иногда говорит странные вещи. Ты не пугайся, ладно?

Мелисса вопросительно посмотрела на Алекса. Тот кивнул.

— Иди. София — мудрая женщина. Я пока помогу Костасу с парусом.

Лавка бабушки Иви оказалась крошечной комнаткой, заставленной стеклянными банками с сушёными травами, корнями и цветами. Воздух здесь был густым и пряным. За прилавком стояла старуха — маленькая, сгорбленная, с лицом, похожим на печёное яблоко. Её глаза, тёмные и блестящие, смотрели на Мелиссу с неожиданной остротой.

— Подойди, — сказала она.

Мелисса подошла. Старуха взяла её за руку — крепко, неожиданно сильно для своего возраста — и перевернула ладонью вверх. Она долго смотрела на линии, на кожу, на запястье.

— Ты солёная, — сказала она наконец.

— Простите?

— Ты слышишь зов. Пока ещё тихий, но он становится громче с каждым днём. Твоё тело уже знает. Твоя кровь уже помнит. Ты ещё человек, но море уже тебя выбрало.

Мелисса почувствовала, как холод пробежал по спине.

— Я не понимаю, о чём вы.

— Понимаешь, — старуха отпустила её руку. — Просто боишься признаться себе. Ничего. Так бывает. Я скажу тебе только одно: не пей больше морскую воду, девочка. Она ускоряет то, что уже началось.

— Что началось? — прошептала Мелисса.

Старуха покачала головой.

— Ты уже знаешь ответ. Просто не хочешь его слышать.

Она отвернулась и начала перебирать какие-то пучки трав, давая понять, что разговор окончен. Мелисса, оглушённая, вышла из лавки.

Иви ждала её снаружи.

— Что она сказала?

— Ничего особенного, — солгала Мелисса. — Что-то про травы и про то, что нужно беречь здоровье.

Иви, кажется, не поверила, но не стала спрашивать.

Они вернулись на ярмарку. Солнце уже начало клониться к закату, и площадь осветилась тёплыми огнями — повсюду развесили бумажные фонарики, зажгли свечи на столах. Музыка стала тише, мелодичнее. Ярмарка подходила к концу. Торговцы сворачивали прилавки, дети, уставшие за день, засыпали на руках у родителей. В воздухе плыл запах мёда и расплавленного воска.

Алекс появился из толпы, слегка запыхавшийся, с довольной улыбкой.

— Всё, — сказал он. — Моя смена закончена. Костас обещал проследить, чтобы фонарики догорели до конца. А мы можем идти.

— Куда? — спросила Мелисса.

— Туда, где тихо, — он протянул ей руку.

Они отошли от площади, поднялись по узкой улочке, вымощенной белым камнем, и вышли к небольшой смотровой площадке над морем. Отсюда был виден весь залив — чёрный, бархатный, усыпанный отражениями звёзд. Где-то внизу, на площади, ещё слышалась музыка, но здесь было тихо. Только море дышало внизу, накатывая на скалы.

Алекс остановился у каменного парапета.

— Я люблю это место, — сказал он. — Здесь хорошо думается. И хорошо молчит.

Мелисса встала рядом. Они долго смотрели на море, и молчание между ними было не тягостным, а наполненным, как будто слова были не нужны.

— Знаешь, — сказала она наконец, — я сегодня услышала о тебе много хорошего. Рыбаки, пекари, дети... Ты удивительный, Алекс. Почему ты один?

Он помолчал.

— Потому что я не такой, как все, — сказал он. — И рано или поздно люди это замечают.

— Я тоже не такая, как все, — она повернулась к нему. — После развода я чувствовала себя бракованной. Как будто меня вернули на полку. Но с тобой я чувствую себя... нормальной. Целой.

Он посмотрел на неё. В его глазах отражались звёзды и море, и было в них что-то бесконечно древнее и бесконечно печальное.

— Ты не бракованная, Мелисса. Ты — редкая. Очень редкая.

Где-то на площади зазвучала последняя, медленная мелодия — скрипач играл финальный вальс. Звук долетал до них, приглушённый расстоянием, окутывая их невидимой нитью.

Алекс протянул руку.

— Потанцуем?

— Здесь? — она улыбнулась. — Без музыки?

— Музыка есть. Просто слушай.

Она взяла его за руку. Он обнял её за талию — бережно, как будто она была сделана из драгоценного фарфора. И они закружились по каменной площадке — без музыки, без зрителей, под одним только звёздным небом. Её сарафан развевался от движения, его ладонь лежала на её спине, тёплая, несмотря на вечернюю прохладу, и Мелисса вдруг поняла, что смеётся — тихо, счастливо.

Мелодия со скрипки стихла. Ярмарка закончилась. Последние фонарики погасли где-то внизу. Но они не двигались. Алекс смотрел на неё сверху вниз, и в его глазах больше не было печали — только бесконечная, завораживающая глубина.

— Мелисса, — прошептал он.

И она потянулась к нему.

Их первый настоящий поцелуй случился под звёздами, на краю спящего острова. Он был нежным и осторожным, как будто они оба боялись спугнуть то, что между ними возникло. Его рука скользнула по её спине, прижимая ближе. Её пальцы запутались в его волосах. Он целовал её медленно, сдерживаясь, давая ей возможность отстраниться. Но она не хотела отстраняться. Она хотела быть здесь и сейчас, с ним, под этими звёздами, под шум волн, разбивающихся о скалы.

Когда они наконец оторвались друг от друга, он прижался лбом к её лбу и прошептал:

— Ты даже не представляешь, во что ввязываешься, Мелисса.

— Может, я хочу ввязаться, — прошептала она в ответ.

Он не ответил. Только обнял её крепче и долго молчал, глядя на море.

Поздно ночью, когда Алекс проводил её до бунгало и ушёл, Мелисса подошла к зеркалу. Она смотрела на своё отражение — покрасневшие щеки, припухшие от поцелуев губы, счастливые глаза. И вдруг замерла. На мгновение — всего на одно мгновение — ей показалось, что её зрачки вспыхнули голубым. Тем самым, аквамариновым.

Она моргнула. Отражение снова стало обычным.

— Просто игра света, — сказала она вслух.

Но, ложась в постель, она заметила на подоконнике ещё одну раковину. Пятую по счёту. И та была ещё влажной.

Глава 8

Ярмарка закончилась. Фонарики погасли, музыка стихла, и остров вернулся к своей привычной, сонной жизни. Но для Мелиссы всё изменилось.

Первый день после ярмарки она провела в блаженной эйфории. Она вспоминала танец на смотровой площадке, его руки на своей талии, его губы — осторожные, нежные, словно спрашивающие разрешения. Она вспоминала и улыбалась, как дурочка, глядя в потолок бунгало. И ждала.

Она была уверена, что он придёт. Что он постучит в дверь, как стучал раньше, и скажет своим низким, успокаивающим голосом: «Доброе утро, Мелисса. Пойдём гулять». Она ждала его за завтраком, но за столиком у окна сидела только пожилая немецкая пара. Ждала на пляже, но волны накатывали на пустой песок, и никто не стоял у кромки воды в белой рубашке.

Она не хотела признаваться себе, что расстроена. В конце концов, он ей ничего не обещал. Один поцелуй — это не признание в любви. Один танец — не клятва верности. Но внутри неё поселилась смутная, ноющая тревога, похожая на начинающуюся зубную боль. А вдруг он пожалел? А вдруг она сделала что-то не так?

На второй день Иви, заметив её состояние, решительно взяла ситуацию в свои руки.

— У меня сегодня выходной, — объявила она, врываясь в бунгало без стука. — И мы идём гулять. Настоящая прогулка, не туристическая. Я покажу тебе город, в котором живут люди, а не открыточные виды.

Мелисса не хотела никуда идти. Ей хотелось сидеть на террасе и смотреть на море — на тот случай, если Алекс всё-таки появится. Но Иви уже тащила её за руку, и сопротивляться было бесполезно.

Они пошли пешком по извилистым улочкам старого города. Иви вела её мимо белых домиков с синими ставнями, мимо двориков, где старухи в чёрном лутили фасоль, мимо крошечных церквушек с облупившимися фресками. Она показывала места, которых не было в путеводителях: булочную, где пекли лучший хлеб на острове; площадь, где по вечерам играли в нарды местные старики; заброшенную венецианскую лоджию, увитую плющом.

Мелисса слушала, кивала, даже смеялась, но мысли её были далеко.

Почему её так тянет к нему?

Она ведь знала его всего несколько дней. Неделю? Она потеряла счёт времени. Но каждый раз, когда он появлялся, мир вокруг становился ярче, чётче, реальнее. Каждый раз, когда он уходил, краски тускнели. Это было похоже на зависимость. Или на гипноз.

Она вспоминала его глаза. Аквамариновые, прозрачные, с тёмным ободком. В их глубине таилось что-то, чего она не могла разгадать, — и именно это, возможно, притягивало её сильнее всего. Герман был понятным. Простым. Он хотел комфорта, одобрения, тихой жизни под крылом матери и крёстной. Алекс был другим. В нём чувствовалась тайна. Опасность.

И Мелисса, которая всю жизнь была хорошей девочкой, послушной женой, удобной снохой, вдруг поняла, что её тянет к этой опасности, как мотылька к огню.

— Ты меня вообще слушаешь? — Иви помахала рукой перед её лицом.

— Что? — Мелисса моргнула. — Прости, я задумалась.

— Я говорю: вон там, за углом, лучшая джелатерия на острове. Мороженое с фисташками — пальчики оближешь. Пойдём?

Они сидели за крошечным столиком на тротуаре, ели мороженое, и Иви рассказывала о своём детстве. О том, как росла на этом острове, как помогала бабушке собирать травы, как мечтала уехать на материк, но в итоге осталась, потому что не смогла бросить семью. Мелисса слушала, и ей было тепло от этой простой, бесхитростной дружбы. Иви не задавала неудобных вопросов. Не лезла в душу. Просто была рядом — и этого оказалось достаточно.

— Спасибо, — сказала Мелисса неожиданно для себя.

— За что? — Иви удивлённо подняла брови.

— За то, что вытащила меня. Я бы так и сидела в бунгало, жалея себя.

— Это не жалость, — Иви вдруг стала серьёзной. — Это тоска по человеку. Я видела, как ты смотрела на море. Ты ждала его.

Мелисса не стала спорить.

— Он странный, — сказала Иви. — Я уже говорила. Но я никогда не видела, чтобы он так смотрел на кого-то. На тебя он смотрит иначе.

— Как? — Мелисса подняла глаза.

— Как будто ты — что-то очень ценное. Что-то, что он боится разбить.

Мелисса хотела ответить, но слова застряли в горле.

Дни шли. Третий день после ярмарки. Четвёртый. Алекс не появлялся. Мелисса перестала ждать его на пляже. Она заставляла себя читать, плавать, ходить на прогулки с Иви. Она даже съездила на соседний пляж с Мари, которая снова водила экскурсии и больше не заговаривала о странных находках в гротах. Жизнь вошла в какую-то новую, почти нормальную колею. Но внутри, под слоем повседневных забот, росло и ширилось ожидание. Она засыпала с мыслью о нём и просыпалась с надеждой, что сегодня он вернётся.

Раковины на подоконнике больше не появлялись. Но старые, уже высохшие, лежали на прежнем месте, и Мелисса почему-то не решалась их выбросить.

На пятый день она проснулась с твёрдым решением: если он не появится сегодня, она перестанет ждать. Она не для того сбежала от токсичной семьи, чтобы снова зависеть от муж-

чины, который то появляется, то исчезает. Она возьмёт себя в руки, забудет о нём и просто отдохнёт — как и планировала изначально.

Но вечером, когда солнце уже клонилось к закату, в дверь бунгало постучали.

Мелисса открыла — и замерла. На пороге стоял Алекс. Он выглядел уставшим, но довольным. Его рубашка была помята, волосы растрёпаны, а в глазах горел тот самый, знакомый огонёк.

— Прости, — сказал он прежде, чем она успела произнести хоть слово. — Меня не было пять дней. Это непростительно.

Мелисса стояла, скрестив руки на груди, и не знала, что сказать. Внутри боролись обида и радость. Радость побеждала — против воли, против логики, против всего.

— Где ты был? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал холодно.

— У меня были дела на соседнем острове, — он отвёл взгляд, и она поняла, что он недоговаривает. — Я не мог их отложить. Но я думал о тебе. Всё это время.

— Мог бы хоть записку оставить. Или сообщение.

— Я дурак, — признал он. — Я не привык... — он запнулся. — Я не привык, что кто-то ждёт.

Он сунул руку в карман и достал что-то, зажатое в кулаке.

— Я сделал это для тебя. Там, на соседнем острове. В качестве извинения.

Он разжал пальцы. На его ладони лежали два украшения: тонкий браслет, сплетённый из мелких, идеально подогнанных друг к другу ракушек, и ожерелье с кулоном в виде спиральной раковины — крошечной, перламутровой, переливающейся розовым и голубым.

— Их находят только в одном месте, — сказал он. — В гроте на южной стороне. Я нырял туда два дня, чтобы собрать нужные.

Мелисса смотрела на украшения и чувствовала, как обида тает, словно сахар в горячем чае.

— Ты два дня нырял ради меня?

— Ради нас, — поправил он. — Можно?

Она кивнула. Он обошёл её и застегнул ожерелье на шее. Его пальцы коснулись её кожи — прохладные, осторожные. Потом надел браслет на запястье.

— Теперь ты моя, — сказал он тихо. — То есть... — он осёкся, и на его щеках проступил румянец. — Я не это хотел сказать. Просто теперь у тебя есть что-то от меня. На память.

Мелисса подняла руку и посмотрела на браслет. Ракушки были крошечными, идеально ровными, и каждая переливалась своим оттенком. Ожерелье холодило ключицы.

— Красиво, — прошептала она. — Очень красиво.

Она подняла на него глаза и вдруг, без предупреждения, шагнула вперёд и обняла его. Крепко, порывисто, уткнувшись лицом в его плечо.

— Не пропадай так больше, — сказала она. — Пожалуйста. Я думала, что ты...

— Что я — что? — он обнял её в ответ, прижимая к себе.

— Что ты пожалел. Что я тебе не нужна.

— Ты нужна мне, — сказал он. — Ты даже не представляешь, насколько.

Они стояли в дверях бунгало, обнявшись, и закатное солнце золотило их силуэты. Где-то вдалеке кричали чайки, и море дышало своим вечным, бесконечным дыханием.

В этот вечер они снова гуляли по пляжу, и Алекс держал её за руку. Он рассказывал о соседнем острове — маленьком, скалистом, почти необитаемом. О гроте, где он нашёл ракушки. О том, как нырял и слушал эхо под водой. Мелисса слушала, и её браслет тихо позвякивал при каждом движении, напоминая о том, что она больше не одна.

Она не заметила, как стемнело. Не заметила, как они дошли до конца пляжа и повернули обратно. Она заметила только его глаза — аквамариновые, светящиеся в темноте. И его голос, тихий, как шум волн.

— Спокойной ночи, Мелисса.

— Спокойной ночи, Алекс.

Он поцеловал её — не в губы, а в лоб, нежно и целомудренно, и ушёл, растворившись в темноте.

Мелисса закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. На её шее лежало ожерелье из ракушек. На запястье — браслет. Она коснулась кулона и вдруг почувствовала что-то странное. Раковина была тёплой. Не нагретой от тела — а именно тёплой, как будто внутри неё билось крошечное сердце.

Она отдернула руку. Раковина снова стала холодной.

— Просто показалось, — прошептала Мелисса.

Но, ложась в постель, она положила ожерелье на тумбочку, а не оставила на себе, как собиралась. Ей хотелось верить, что это просто красивый подарок. Просто жест примирения. Просто романтика.

Но где-то глубоко внутри она уже знала: ничего в её жизни теперь не было «просто». И этот подарок значил больше, чем она могла понять.

Глава 9

Мелисса стояла в дверях бунгало и смотрела на украшения, лежащие на его ладони. Тонкий браслет из крошечных ракушек, подогнанных друг к другу с идеальной точностью, и ожерелье с кулоном в виде спиральной раковины — перламутровой, переливающейся розовым и голубым. Она не могла отвести взгляд.

— Ты два дня нырял ради меня? — повторила она, не веря.

— Ради нас, — поправил он.

Она подняла на него глаза и вдруг, без предупреждения, шагнула вперёд и обняла его. Крепко, порывисто, уткнувшись лицом в его плечо. От него пахло морем, солью и чем-то ещё — древним, как океанское дно.

— Не пропадай так больше, — прошептала она. — Пожалуйста. Я думала, что ты пожалел. Что я тебе не нужна.

— Ты нужна мне, — его руки сомкнулись у неё на спине. — Ты даже не представляешь, насколько.

Они стояли так, обнявшись, в проёме двери, и закатное солнце золотило их силуэты. Где-то вдалеке кричали чайки. Море дышало внизу — мерно, спокойно, но в его дыхании уже слышалось обещание ночного прилива.

Алекс первым нарушил молчание. Он отстранился — совсем чуть-чуть, ровно настолько, чтобы заглянуть ей в лицо.

— Я хочу показать тебе кое-что, — сказал он. — Сегодня. Сейчас.

— Что? — она вытерла влажные ресницы.

— Лагуну, — он улыбнулся. — Днём она красивая, но ночью... ночью она совсем другая. Доверься мне.

Мелисса помедлила лишь секунду. Потом взяла его за руку.

Они шли по пляжу, держась за руки, оставляя на влажном песке две цепочки следов. Полная луна уже поднималась над горизонтом — огромная, жёлтая, она прокладывала по воде серебряную дорожку. У берега вода флуоресцировала — каждое прикосновение волны рождало голубоватую вспышку, и казалось, что они идут по краю Млечного Пути.

Тропа к лагуне освещалась только луной. Алекс знал дорогу — он вёл её уверенно, иногда предупреждая о камнях или выступающих корнях. Его голос, низкий и спокойный, разгонял остатки тревоги. Когда они добрались до скал, окружающих лагуну, Мелисса ахнула.

Вода в лагуне светилась. Не отражённым лунным светом — своим собственным, внутренним. Планктон, миллиарды крошечных существ, вспыхивал голубым и зелёным при малей-

шем движении, и вся поверхность воды переливалась, как жидкая бирюза. Скалы вокруг образовывали естественную чашу, защищённую от ветра, и над ними нависало звёздное небо — огромное, глубокое, с неизвестными южными созвездиями.

— Это невероятно, — прошептала она.

— Я знал, что тебе понравится.

Он отпустил её руку и начал расстёгивать рубашку. Мелисса смотрела, как ткань соскальзывает с его плеч, как лунный свет обрисовывает каждую линию его тела — широкие плечи, рельефный торс, гладкую кожу, на которой играли голубоватые отблески. Он сбросил рубашку на песок и остался в одних лёгких шортах. Движения его были спокойными, уверенными, но когда он повернулся к ней, она увидела в его глазах тот самый голод — сдерживаемый, контролируемый, но оттого ещё более осязаемый.

— Ты идёшь?

Она сбросила босоножки. Развязала пояс лёгкого сарафана — ткань соскользнула к ногам. Под сарафаном было только нижнее бельё — простой, почти невесомый комплект из хлопка, который в лунном свете казался серебряным. Алекс смотрел на неё, не отводя взгляда, и в этом взгляде читалось восхищение, смешанное с чем-то более глубоким.

Он протянул ей руку. Она вложила свою ладонь в его, и они вместе вошли в воду.

Вода оказалась тёплой — теплее, чем она ожидала. Мелисса зашла по колени, потом по пояс, чувствуя, как прохладный шёлк воды обволакивает бёдра, живот, грудь. Вокруг неё вспыхивали голубые искры. Каждое движение рождало новые огни, и казалось, что она плывёт сквозь звёзды.

— Здесь глубоко? — спросила она.

— В центре — да, — он уже был рядом, его рука легла на её талию. — Но я тебя держу.

Она легла на спину, раскинув руки, и вода приняла её, держа на поверхности. Мокрая ткань белья прилипла к телу, обрисовывая каждый изгиб, но Мелиссе не было холодно. Ей было жарко — от его взгляда, от его близости, от странного, пьянящего ощущения, что всё это происходит не с ней.

Он подплыл ближе. Его пальцы коснулись её запястья — того самого, на котором блеснул браслет из ракушек.

— Ты даже не представляешь, как давно я ждал тебя, — сказал он тихо.

— Сколько?

— Долше, чем ты можешь себе представить.

Она не стала спрашивать, что это значит. Она просто потянулась к нему — и он ответил.

Их губы встретились, и на этот раз поцелуй не был нежным или осторожным. Он был глубоким, жадным, голодным. Вода вокруг них вспыхнула ярким голубым светом, словно сама природа отзывалась на их близость. Его руки скользнули по её талии, прижимая её ближе. Она почувствовала его силу — сдержанную, но ощутимую. Он мог бы раздавить её, но вместо этого касался так, будто она была величайшей драгоценностью, которую он боялся повредить.

Мелисса запустила пальцы в его волосы, мокрые и спутанные. Её дыхание стало частым, прерывистым. Его губы переместились на её шею, на плечо, туда, где бретелька бюстгалтера сползла, обнажая кожу. Каждое прикосновение отдавалось в теле электрическим разрядом. Она выгнулась в воде, чувствуя, как он поддерживает её — легко, почти невесомо.

— Ты уверена? — его голос прозвучал хрипло, с той самой, с трудом сдерживаемой силой.

— Да, — выдохнула она. — Да.

Он не стал ждать. Его руки скользнули по её спине, расстёгивая бюстгалтер. Мокрая ткань поплыла прочь, уносимая лёгким течением. Затем — остатки белья. Вода скрывала их наготу, но не скрывала ощущений. Каждое прикосновение его пальцев обжигало, каждый поцелуй оставлял на коже солёный след.

Он прижал её к себе — крепко, почти грубо. Она почувствовала его возбуждение, прижатое к её бедру. Его дыхание стало тяжёлым, рваным. Он подхватил её под бёдра, и она инстинктивно обвила ногами его талию. Вода делала её невесомой, и это было похоже на полёт.

Первый толчок был резким — он вошёл в неё без предупреждения, и Мелисса вскрикнула, но не от боли. От неожиданности. От полноты ощущений. Он замер, давая ей привыкнуть, и она почувствовала, как его мышцы дрожат от напряжения.

— Прости, — выдохнул он ей в шею. — Я не могу... я слишком долго ждал.

— Ничего, — она запустила пальцы в его волосы и притянула к себе. — Продолжай.

Он подчинился.

Их ритм был неровным, страстным, почти отчаянным. Он двигался в ней сильно, глубоко, и вода вокруг них вспыхивала всё ярче с каждым толчком. Мелисса цеплялась за его плечи, чувствуя, как внутри нарастает волна — огромная, неконтролируемая. Она не сдерживала себя. Она стонала в голос, не заботясь о том, услышит ли кто, — здесь, в этой лагуне, не было никого, кроме них и моря.

Он наклонил её назад, поддерживая под поясницу, и она откинула голову, глядя в звёздное небо. Его губы скользили по её горлу, по груди. Одна его рука держала её за бедро, сжимая сильнее, чем он, вероятно, хотел, но ей нравилась эта сила, эта грань между болью и наслаждением.

Волна накрыла её внезапно — она вскрикнула, выгнулась, и в тот же миг вода вокруг них взорвалась ослепительно-голубым светом, на секунду превратив лагуну в жидкое пламя.

Он последовал за ней через несколько секунд — с низким, гортанным стоном, который эхом разнёсся по скалам.

Потом наступила тишина.

Они всё ещё были в воде, тяжело дыша, прижавшись друг к другу. Его лоб упирался в её плечо. Её пальцы рассеянно гладили его по спине. Вода успокаивалась, голубое свечение становилось тише, мягче.

— Нам нужно на берег, — прошептал он, не поднимая головы.

— Да, — согласилась она. — Нужно.

Он помог ей выйти из воды — поддерживая за талию, потому что ноги у неё дрожали и подкашивались. На песке лежал расстеленный плед — она не заметила его раньше. Алекс подобрал её сарафан, подал ей. Она натянула его через голову — мокрый, он тут же прилип к телу, но это было неважно.

Они легли на плед, обессиленные, переплетённые. Его голова покоилась на её груди. Её пальцы медленно перебирали его влажные волосы. Море дышало рядом — спокойно, удовлетворённо, словно огромный зверь, получивший свою жертву. Звёзды над ними медленно гасли, уступая место первым проблескам рассвета.

— Ты в порядке? — спросил он, поднимая голову.

— Да, — она улыбнулась, и улыбка эта была счастливой, без тени страха. — Я в порядке. Я... больше чем в порядке.

Он приподнялся и посмотрел на неё — долго, внимательно, словно искал что-то в её лице. Потом наклонился и поцеловал её в лоб.

— Нам нужно возвращаться, — сказал он. — Скоро рассветёт.

Они оделись — он помог ей застегнуть сарафан, она подала ему рубашку. Мелисса чувствовала, как её тело поёт — каждое прикосновение ткани к коже отзывалось эхом недавних ласк. Ноги дрожали, но это была приятная дрожь. Она чувствовала себя живой. По-настоящему живой, впервые за долгие годы.

Перед тем как уйти, она наклонилась к воде — сполоснуть лицо. И замерла.

В отражении на неё смотрела она сама — но не совсем. Её глаза светились. Не отражённым светом звёзд, а своим собственным, внутренним. Аквамариновым.

Она моргнула. Отражение снова стало обычным.

— Что-то не так? — Алекс подошёл сзади, положил руку ей на плечо.

— Нет, — она выпрямилась и заставила себя улыбнуться. — Всё хорошо. Просто вода холоднее, чем я думала.

Он не поверил — она видела это по его глазам. Но он не стал расспрашивать. Только взял её за руку и повёл обратно по тропе.

Когда они дошли до бунгало, небо на востоке уже порозовело. Алекс остановился у двери и повернулся к ней.

— Спасибо за эту ночь, — сказал он.

— Это тебе спасибо, — она коснулась ожерелья на своей шее. — За всё.

Он улыбнулся, поцеловал её — нежно, почти целомудренно — и ушёл, растворившись в предзвездных сумерках.

Мелисса вошла в бунгало, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. На её запястье светился браслет. На шее — ожерелье. Она коснулась кулона и вдруг почувствовала, как он пульсирует — медленно, ритмично, словно крошечное сердце.

— Кто же ты такой, Алекс? — прошептала она.

Но ответа не было. Только море шумело за окном, и в его шуме ей слышался смех — древний, глубокий, как сама бездна.